

РЕЧЬ СТАЛИНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

С.З.Случ

Случ Сергей Зиновьевич,
канд. истор. наук,
ст. научн.сотр. Института славяноведения РАН.

*Автор выражает большую благодарность
д-ру Юргену Царускому (Ин-т современной истории, Мюнхен)
за помощь в работе над статьей.*

Эта история началась 65 лет назад, поздней осенью 1939 г. Именно с этого времени и по сей день по публицистическим эссе и историческим работам в разных странах блуждает некий текст "речи Сталина", будто произнесенной им на якобы состоявшемся 19 августа 1939 г. сверхсекретном заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В ней раскрывались потаенные мотивы решения Сталина заключить с Гитлером пакт о ненападении и его возможные последствия, связанные с этим надежды руководства СССР на использование предстоявшей войны между Германией и западными державами для революционизирования Европейского континента. Не прошли мимо этой речи некоторые крупные политики того времени и прежде всего сам Сталин. При этом У. Черчилль упомянул о ней в мемуарах буквально одной достаточно расплывчатой фразой, без каких-либо комментариев [1], а бывший премьер-министр Франции Э. Даладьё, коснувшись ее содержания, заявил, что хотя и не может "удостоверить подлинность документа, содержащего текст «речи Сталина», но верит в его подлинность" [2]. Однако некоторые современные публицисты и историки лишены даже тени каких-либо сомнений, рассматривая эту "речь Сталина" в качестве ключевого документа по истории Второй мировой войны. "Любая попытка установить точную дату начала Второй мировой войны и время вступления СССР в нее неизбежно приводит нас к дате 19 августа 1939 года" [3].

"19 августа 1939 г. на внезапно созванном заседании Политбюро ЦК... в программной речи Сталин провозгласил, что теперь наступил момент поднести фитиль военного пожара также к пороховой бочке Европы" [4]. Как полагает американский историк Р. Раак, "эта ранее не публиковавшаяся речь является, несомненно, наиболее важным документом, извлеченным из советских архивов со времени их открытия..." [5]. Он, как утверждает российский историк В.Л. Дорошенко, "должен быть принят в качестве одного из основополагающих документов по истории Второй мировой войны" [6]. Именно так он и предстает в недавно вышедшей в Германии первой биографии Сталина, написанной профессором Гейдельбергского университета Х.-Д. Леве. Немецкий историк приводит обширные цитаты из этой "речи Сталина" с целью "раскрытия" намерений советского вождя, якобы рассматривавшего заключение пакта с Гитлером как необходимое условие для последующего революционизирования всего Европейского континента в ходе Второй мировой войны [7].

Однако текст этой "речи Сталина", известный по крайней мере западным историкам со времени своей первой публикации, т.е. с конца ноября 1939 г. и до конца 1980-х гг., не только никогда не рассматривался в качестве ключевого документа советской внешней политики или тем более Второй мировой войны [8], но не был даже помещен в изданных на Западе сборниках документов

о советской внешней политике [9]. Нет его и в опубликованном Гарвардским университетом 14-м томе собрания сочинений Сталина [10]. И это несмотря на то, что все эти издания увидели свет в период "холодной войны", когда откровения советского диктатора могли стать бесценной находкой как для советологов, так и для политиков".

Пытаясь ответить на этот и ряд других вопросов, связанных с "речью Сталина" 19 августа 1939 г., я прослеживаю основные этапы истории этого "документа": в статье приводятся результаты, опубликованные его первым исследователем немецким историком Э. Йеккелем еще в 1958 г. [12], подробно рассматриваются обстоятельства нового всплеска интереса к "речи Сталина" в историографии с середины 1990-х гг. и вплоть до самого последнего времени в связи с одной находкой в бывшем Особом архиве в Москве. Здесь также анализируется на основе ранее неизвестных документов из российских архивов содержание этого текста и мотивы как его появления, так и реанимирования.

I

28 ноября 1939 г. информационное агентство Гавас распространило следующее сообщение [13]. :

"Агентство Гавас получило из Москвы (через Женеву) от источника, который оно рассматривает как достойный абсолютно доверия, следующие сведения о заседании Политбюро, проведенного по инициативе Сталина 19 августа в 10 часов вечера, вскоре после которого СССР подписал известное политическое соглашение с рейхом: вечером 19 августа члены Политбюро были срочно созваны на секретное заседание, на котором присутствовали также видные лидеры Коминтерна, но только те, кто входил в русскую секцию [14]. Никто из зарубежных коммунистов, даже Димитров - генеральный секретарь Коминтерна, не был приглашен на это заседание [15], цель которого, не обозначенная в повестке дня, состояла в том, чтобы заслушать доклад Сталина".

Далее следовала запись его основных положений *:

* Места, где располагались появлявшиеся впоследствии дополнения в первоначально опубликованный текст, отмечены цифрами, обозначающими год, а в фигурных скобках - порядковый номер, указывающий на последовательность приведенных ниже дополнений.

"Мир или война [16].

Этот вопрос вступил в критическую фазу. Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займет Советский Союз [17].

Мы совершенно убеждены, что, если мы заключим договор о союзе с Францией и Великобританией, Германия будет вынуждена отказаться от Польши и искать *modus vivendi* [18]. с западными державами [19]. Таким образом, войны удастся избежать [20], и тогда последующее развитие событий примет опасный для нас характер.

С другой стороны, если мы примем известное вам [21]. предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, несомненно, нападет на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну станет неизбежным. (1941 {1}).

При таких обстоятельствах у нас будут хорошие шансы остаться в стороне от конфликта, и мы сможем, находясь в выгодном положении, выжидать, когда наступит наша очередь. Именно этого требуют наши интересы. (1941 {2}), (1942 {1}).

Итак, наш выбор ясен: мы должны принять немецкое предложение, а английской и французской делегациям ответить вежливым отказом и отправить их домой [22].

Нетрудно предвидеть выгоду, которую мы извлечем, действуя подобным образом. Для нас очевидно, что Польша будет разгромлена прежде, чем Англия и Франция смогут прийти ей на помощь. В этом случае Германия передаст нам часть Польши вплоть до подступов Варшавы, включая украинскую Галицию.

Германия предоставит нам полную свободу действий в трех прибалтийских странах. Она не будет препятствовать возвращению России Бессарабии [23]. Она будет готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию [24], Болгарию [25]. и Венгрию [26].

Остается открытым вопрос о Югославии, решение которого зависит от позиции, которую займет Италия. Если Италия останется на стороне Германии [27], тогда последняя потребует, чтобы Югославия входила в зону ее влияния [28], ведь именно через Югославию она получит доступ к Адриатическому морю. Но если Италия не пойдет вместе с Германией, то тогда она за счет Италии получит выход к Адриатическому морю, и в этом случае Югославия перейдет в нашу сферу влияния [29].

Все это в том случае, если Германия выйдет победительницей из войны. Однако мы должны предвидеть последствия как поражения, так и победы Германии. Рассмотрим вариант, связанный с поражением Германии. (1941 {3}). У Англии и Франции будет достаточно сил, чтобы оккупировать Берлин и уничтожить Германию, которой мы вряд ли сможем оказать эффективную помощь [30].

Поэтому наша цель заключается в том, чтобы Германия как можно дольше смогла вести войну, чтобы уставшие и крайне изнуренные Англия и Франция были не в состоянии разгромить Германию.

Отсюда наша позиция: оставаясь нейтральными, мы помогаем Германии экономически, обеспечивая ее сырьем и продовольствием; однако, само собой разумеется, что наша помощь [31]. не должна переходить определенных границ, чтобы не нанести ущерба нашей экономике и не ослабить мощь нашей армии.

В то же время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в странах англо-французского блока и, прежде всего, во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране наша (так в тексте. - С.С.) партия во время войны будет вынуждена прекратить легальную деятельность и перейти к нелегальной. Мы знаем, что подобная деятельность требует больших средств, но мы должны без колебаний пойти на эти жертвы. (1942 {2}). Если эта подготовительная работа будет тщательно проведена, тогда безопасность Германии будет обеспечена, и она сможет способствовать советизации Франции. (1941 {4}). Рассмотрим теперь вторую гипотезу, связанную с победой Германии.

Некоторые считают, что такая возможность представляла бы для нас наибольшую опасность. В этом утверждении есть доля правды, но было бы ошибкой полагать, что эта опасность настолько близка и велика, как некоторые себе это воображают.

Если Германия победит, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы воевать с нами в ближайшие десять лет [32]. Ее основной заботой будет наблюдение за побежденными Англией и Францией, чтобы воспрепятствовать их подъему.

С другой стороны, Германия-победительница будет обладать огромными колониями; их эксплуатация и приспособление к немецким порядкам также займут Германию в течение нескольких десятилетий. Очевидно, что Германия будет слишком занята другим, чтобы повернуть против нас. (1941 {5}), (1942 {3}).

Товарищи, сказал в заключение Сталин, я изложил вам свои соображения. Повторяю, что в ваших (так в тексте. - С.С.) интересах, чтобы война разразилась между рейхом [33]. и англо-французским

блоком. Для нас очень важно, чтобы эта война длилась как можно дольше, чтобы обе стороны истощили свои силы. Именно по этим причинам мы должны принять предложенный Германией пакт и способствовать тому, чтобы война, если таковая будет объявлена, продлилась как можно дольше. В то же время мы должны усилить экономическую [34] работу в воюющих государствах, чтобы быть хорошо подготовленными к тому моменту, когда война завершится".

"Доклад Сталина, выслушанный с благоговейным вниманием, не вызвал никакой дискуссии. Было задано только два малозначительных вопроса, на которые Сталин ответил. Его предложение о согласии на заключение пакта о ненападении с рейхом было принято единогласно. Затем Политбюро приняло решение поручить председателю Коминтерна Мануильскому [35]. совместно с секретарем Димитровым под личным руководством Сталина разработать надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом".

Распространенный агентством Гавас текст был опубликован 28 ноября во французской прессе [36]. Несмотря на то, что в Германии он не публиковался, Берлин не остался безучастен к этой "сенсации". 29 ноября МИД направил посольству в Москве текст сообщения Гавас [37]. с просьбой информировать о реакции на него в официальных кругах СССР, а также обратить внимание Наркоминдела на желательность соответствующего отклика в советской прессе [38]. Однако, еще не будучи полученным в посольстве [39], вопрос был фактически снят: советская реакция на сообщение Гавас последовала уже 30 ноября [40]. и на самом высоком уровне - в форме ответа Сталина на вопрос редактора газеты "Правда" [41].

"О лживом сообщении агентства Гавас"

Редактор «Правды» обратился к т. Сталину с вопросом: как относится т. Сталин к сообщению агентства Гавас о «речи Сталина», якобы произнесенной им «в Политбюро 19 августа», где проводилась якобы мысль о том, что «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны». Тов. Сталин прислал следующий ответ:

«Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения [42], представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафешантане сфабриковано это вранье. Но как бы ни врали господа из агентства Гавас, они не могут отрицать того, что:

а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны. Таковы факты. Что могут противопоставить этим фактам кафешантанские политики из агентства Гавас?»"

Опубликованный текст, причем не только ответа, но и вопроса, несомненно составленный лично Сталиным [43], несет на себе отпечаток большого раздражения его автора. Чем это объяснить? Почему Сталин пошел на столь очевидное и, самое главное, публичное передергивание еще свежих фактов, заострив и на этот раз авторизовав основные положения не просто прогерманской, а фактически пронацистской статьи "Мир или война?" [44]. Есть серьезные основания полагать, что у Сталина было как минимум два веских повода для подобного недипломатичного заявления, которые ни по существу, ни по форме не имели ничего или очень мало общего со стремлением убедить мировую общественность в отсутствии замыслов, содержащихся в приписываемом ему

агентством Гавас выступлении. Сталин мог опасаться, что опубликованный текст способен нанести серьезный ущерб советско-германским отношениям и особенно реализации достигнутых в августе-сентябре 1939 г. договоренностей о разделе Восточной Европы. Не случайно комментарий Сталина был опубликован безотлагательно именно 30 ноября: в этот день СССР начал войну с Финляндией, в ходе которой Сталин был особенно заинтересован в максимально благоприятной позиции Берлина.

Ответ Сталина был выдержан в весьма типичной для его стиля полемики форме, а именно - *"инкриминировать врагу свои собственные преступления, свою собственную тактику"* [45]. Правда, в данном случае он обвинял западные державы в том, что совершила нацистская Германия, не забывая при этом и о необходимости выдать индульгенцию самому себе. Однако Сталин зря волновался, реакция Берлина была совершенно спокойной. Там были вполне удовлетворены опубликованным ответом Сталина, поместив его в немецких газетах под крупными заголовками [46]. При этом в Берлине явно не придавали серьезного значения этому событию [47], так как были заняты подготовкой западной кампании и начавшейся советско-финской войной. И. Геббельс, как правило, фиксирующий в то время в дневнике все выгодные для Германии высказывания советских лидеров и центральной советской прессы, на этот раз обошел слова Сталина полным молчанием [48].

II

Более полутора лет никто не вспоминал о "речи Сталина". Однако 22 июня 1941 г. все изменилось, и уже 12 июля 1941 г. бывший женеvский корреспондент Гавас Анри Рюффен публикует статью в газете "Journal de Geneve" под заголовком "Два документа" [49]. Одним из них был текст "речи Сталина" 19 августа 1939 г. Из публикации Рюффена следовало, что именно он 27 ноября 1939 г. передал агентству Гавас полученный им из не афишируемого источника (*"secret professionnel"*) текст "речи Сталина". Причем, представленный им в 1941 г. вариант был дополнен несколькими новыми фразами.

1. *"В результате [войны] Западная Европа подвергнется глубокому разрушению".*
2. *"Диктатура коммунистической партии возможна лишь в результате большой войны..."*
3. *"В случае поражения Германии, - сказал он, - неизбежно последует ее советизация и создание коммунистического правительства".*
4. *"Но для этого необходимо, чтобы война продолжалась как можно дольше, и именно в этом направлении должны быть задействованы все наши средства".*
5. *"Если мы окажемся достаточно ловкими, чтобы извлечь выгоду из развития событий, мы сможем прийти на помощь коммунистической Франции и превратить ее в нашего союзника, равно как и все народы, попавшие под опеку Германии".*

Дополнения, сделанные Рюффеном, носили как антисоветский, так и пронацистский характер, недвусмысленно намекая на спасительную миссию Германии как "защитницы" европейской цивилизации. И на этот раз нацистская пресса без промедления откликнулась на публикацию Рюффена, которая органично вписалась в начатую Геббельсом *"крупную пропагандистскую кампанию против большевизма"* под лозунгом: *"Пелена спала: Москва без маски"* [50]. В последующие дни в Германии появились статьи под крупными заголовками: "Война в Европе должна подготовить почву для мировой революции. Сенсационные французские документы о двойной игре Сталина" [51]. *"Эта война должна длиться как можно дольше. Сенсационные разоблачения о подлой двойной игре Москвы"* [52].

Следующая версия текста "речи Сталина" появилась в книге французского профессора А. де Ла Праделя "Щупальца марксизма. Возникновение, тактика и действия советской дипломатии

1920-1940" [53], изданной на контролируемой режимом Виши территории. В одной из ее глав "Признания Сталина" были помещены уже в основном известные "Документы Рюффена" с предисловием журналиста. Вместе с тем в версии 1942 г. содержалось несколько новых дополнений к уже известным вариантам.

1. *"Опыт последних двадцати лет ясно доказывает, что в мирное время в Европе не может быть коммунистического движения достаточно сильного, чтобы взять власть. Такое движение и, следовательно, сама (диктатура коммунистической партии возможны лишь в результате большой войны. - См. дополнение 1941 {2})"*.

2. *"Мы знаем, что эта деятельность требует больших средств, но мы должны пойти на эти жертвы без колебаний и поручить французским товарищам поставить в числе первоочередных задач подкуп полиции"* (дополнение выделено курсивом).

3. *"Но нужно быть готовым и к другому: в побежденной Франции неизбежно произойдет коммунистическая революция. Если мы будем достаточно ловкими, чтобы извлечь выгоду из этого обстоятельства, мы сможем прийти на помощь коммунистической Франции и превратить ее в нашего союзника. Нашими союзниками станут также все те народы, которые оказались под опекой (См. дополнение 1941 {5}) Германии-победительницы, и перед нами, таким образом, откроется широкое поле деятельности"*.

Содержание дополнений 1942 г. свидетельствует о все большем смещении акцентов в "речи Сталина" на взаимодействие СССР и французских коммунистов в советизации Франции и остальной Европы. И это не случайно. Неизвестно, в каком именно месяце 1942 г. увидела свет книга де Ла Праделя, но в любом случае его книга в целом и публикация "речи Сталина" с дополнениями Рюффена - это реакция на изменения на фронтах Второй мировой войны и активизацию движения Сопротивления во Франции, в котором значительную роль играли коммунисты [54], т.е. реакция на проблемы, вызывавшие озабоченность Вишистского режима.

В предисловии Рюффена приводились и некоторые подробности того, как он оказался обладателем информации, распространенной агентством Гавас. На протяжении трех недель, т.е. с начала ноября 1939 г., среди журналистов и политиков курсировали слухи о совершенно секретном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), принявшем исключительно важное решение, касающееся войны. Эти слухи обретали различную форму, наполняясь деталями, например, о том, в какой мере от Сталина зависит будущее Европы, но при этом все оставалось только на уровне слухов. Рюффен предпринял попытки получить более точную информацию, но они оказались безрезультатными. И вдруг представилась возможность войти в контакт с высокопоставленным лицом, чья информированность не вызывала сомнений. Это лицо и предоставило все необходимые сведения, которые Рюффен записал как можно точнее [55].

Прошло еще 2 года, и в издававшемся в Виши журнале "La Revue universelle" Рюффен публикует статью "План Сталина (ноябрь 1939 г.)" [56], где вновь приводится "речь Сталина", но на этот раз в варианте почти идентичном тому, что был опубликован в книге де Ла Праделя. Однако при этом сама история появления "речи Сталина" выглядела иначе, чем в этой книге. Согласно этой версии, ничего не подозревавший Рюффен находился 27 ноября 1939 г. в женевском бюро агентства Гавас, когда неожиданно появился посетитель, доверивший ему документ. После тщательного анализа, не оставившего никаких сомнений в подлинности документа, Рюффен в тот же вечер передал его в Париж [57].

На этой публикации Рюффена 1944 г. завершается "военная история" "речи Сталина". Йеккель проследил все этапы трансформации ее текста и даже вступил с Рюффеном в переписку во второй половине 1950-х гг. Рюффен подтвердил, что именно он был посредником в передаче текста "речи Сталина" агентству Гавас. Однако уже на второе письмо, в котором содержались конкретные

вопросы, касающиеся расхождений между двумя опубликованными лично Рюффеном текстами и вариантом, помещенным в книге де Ла Праделя, он не ответил [58]. И, по-видимому, не случайно. Йеккель установил, что Рюффен придерживался ярко выраженных антикоммунистических взглядов, отразившихся в написанной им еще в середине 1920-х гг. книге "Грядет ли опять война?" [59] и получивших дальнейшее развитие в более поздних статьях периода войны [60]. Это во многом объясняет, почему именно Рюффен оказался причастен к публикации "речи Сталина" и ее вариантов. Трудно сказать, был ли Рюффен автором или соавтором приписываемого Сталину текста, но определенно он мог знать немало о его происхождении. Поэтому ему было что скрывать даже во второй половине 1950-х гг.

На основании тщательного исследования Йеккель пришел к выводу, что "документ" вызывает серьезные сомнения, как с точки зрения его происхождения, так и по содержанию, местами совершенно немыслимому. *"Всего этого было бы достаточно, чтобы так называемую речь Сталина исключить из использования в научной литературе, если и не как доказуемо фальшивую, то, во всяком случае, как в высшей степени сомнительную"* [61]. При этом "речь" не содержала никакой новой информации (за исключением явно абсурдных положений), которая не была бы известна в ноябре 1939 г. любому наблюдателю. Поэтому, резюмировал Йеккель, эта "речь" могла бы вполне представлять собой *"фиктивно-пророческий"* набросок "специалиста по большевизму" [62]. Появление столь содержательной статьи не могло не повлиять на отношение к этому "документу" западных [63]. историков, в подавляющем большинстве принявших аргументацию Йеккеля.

Судьба "речи Сталина" 19 августа 1939 г. на этом не закончилась - время от времени ее вспоминали и даже цитировали преимущественно праворадикальные авторы на Западе, хотя и не акцентировали на ней внимания [64]. Так наверное и остались бы в историографии текст "речи Сталина", распространенный агентством Гавас в конце ноября 1939 г., и почти таинственная история его различных публикаций неким полузабытым эпизодом политической интриги, но наступили другие времена.

III

В ходе начавшейся в СССР во второй половине 1980-х гг. перестройки постепенно появились возможности для научного исследования советской внешней политики на базе ранее совершенно недоступных архивных документов. Этот процесс идет сложно, порой болезненно, с неизбежными рецидивами, связанными со стремлением определенной группы российских историков при помощи селективного подбора архивных документов оправдать действия Сталина, якобы руководствовавшегося исключительно национально-государственными интересами. С другой стороны, некоторые историки, исходя из бесспорного постулата, что во главе установленного большевиками в СССР тоталитарного режима стоял один из крупнейших преступников XX в., полагают, что нет таких отягчающих фактов и документов, которые нельзя было бы инкриминировать Сталину, а поэтому тщательная проверка и перепроверка каждого очередного факта и документа на предмет их соответствия исторической истине не обязательна, и действуют по принципу: чем больше обвинений, тем лучше. Однако подобный подход, сочетающий в себе агрессивность и не менее очевидный непрофессионализм, чреват серьезными издержками: каждое приписываемое Сталину деяние, не находящее подтверждения, неизбежно вызывает цепную реакцию псевдоопровержений, ставя под сомнение уже доказанные факты и вооружая вновь активизировавшихся неосталинистов новыми аргументами по реабилитации преступного режима и его вождя [65].

Все сказанное имеет самое непосредственное отношение и к истории с "речью Сталина" 19 августа 1939 г. Реанимации интереса к ней предшествовали некоторые события на

околоисторическом фронте. В 1985 г. в Англии появилась статья перешедшего на Запад офицера ГРУ, скрывшегося под псевдонимом В. Суворов. Автор обосновывал тезис о намерении Сталина летом 1941 г. напасть на Германию [66]. Опубликованная в журнале британского Института оборонных исследований, она скорее всего привлекла бы внимание лишь специалистов, как еще одна, причем не новая, интерпретация событий 1941 г., если бы не реклама, сделанная взглядам В. Суворова в "Frankfurter Allgemeine Zeitung" [67]. Тем самым фактически было положено начало новому "спору историков" [68], на этот раз по поводу тезиса о "превентивной войне" 1941 г., не законченному и по сей день [69].

Еще до того как центр этой дискуссии в начале 1990-х гг. сместился в Россию, В. Суворов выпустил в 1989 г. первую эпатажную книгу "Ледокол" [70], которая, будучи наполнена произвольно отобранными фактами и вырванными из контекста цитатами, ставила своей задачей обоснование тезиса о якобы готовящемся Сталиным нападении на Германию в 1941 г. [71]. При всем нагромождении фактов, представленных в "Ледоколе", в книге ощущался явный дефицит "программно-теоретического" обоснования заинтересованности Сталина во Второй мировой войне как возможности реализовать свои экспансионистские замыслы и осуществить советизацию Европы. Поскольку Суворов располагал не сообщением агентства Гавас, а лишь реакцией Сталина на него, то его писательская фантазия концентрируется на заседании Политбюро 19 августа 1939 г., где было *"принято бесповоротное решение осуществить... план «освобождения Европы», означавшее не что иное, как «точную дату начала Второй мировой войны и время вступления СССР в нее»...*" [72].

В начале 1994 г. Суворов выпустил книгу "День - М", где развивал тезис о том, что Сталин начал Вторую мировую войну 19 августа 1939 г. [73]. По мнению Суворова, именно в этот день *"Сталин принял решения, которые повернули мировую историю"* [74]. При этом он обрушивает свой полемический раж на тех, кто принижал значение этого дня в мировой истории, доказывая, что *"в этот день никаких решений не принималось, и вообще заседания Политбюро 19 августа 1939 года вовсе не было"* [75]. Для доказательства обратного В. Суворов ссылается на статью Д.А. Волкогонова, признавшего, что он сам якобы держал в руках протоколы того самого заседания [76]. В действительности же Волкогонов писал [77]: *"В. Суворов настойчиво подчеркивает особое значение даты 19 августа 1939 г., когда, по его мнению, было принято решение о нападении на Германию. Разочарую автора: действительно, 19 августа заседание Политбюро состоялось, но военный вопрос стоял лишь такой: «Об отсрочке призыва в РККА рабочих строительства железной дороги Акмолинск-Карталы (по телеграмме Скворцова)». И все. Никакого упоминания о плане «Гроза» [78]. и т.д."*

Из статьи Волкогонова видно, что он *"держал в руках"* не протокол заседания Политбюро от 19 августа 1939 г., а решение Политбюро от 19 августа 1939 г. [79]. В конце 1930-х гг. количество вопросов, по которым Политбюро принимало решения, постоянно возрастало, но при этом число зафиксированных в протоколах заседаний Политбюро неизменно сокращалось (в 1937 г. - 7 заседаний, в 1938 г. - 5). В 1939 г. Политбюро приняло решения по 2855 вопросам [80], тогда как в течение года было проведено только 2 заседания Политбюро, оформленные именно как его заседания соответствующими протоколами, - 29 января и 17 декабря.

Абсолютное большинство решений готовилось Оргбюро и Секретариатом ЦК и принималось путем опроса членов Политбюро, либо на совещаниях в узком кругу в кабинете Сталина [81]. Именно на встречах руководящей "пятерки" в Кремле или в неофициальной обстановке, в полном или неполном составе принимались важнейшие решения, которые затем могли оформляться, но могли и не оформляться в качестве решений Политбюро. Таким образом, очевидно, что Волкогонов допустил ошибку, отождествив наличие решения Политбюро от 19 августа 1939 г. по одному вопросу [82] с фактом проведения в этот день заседания Политбюро. Конечно, в этот день

Сталин принимал самые различные решения (например, о визите рейхсминистра И. Риббентропа в Москву) [83] отдавал письменные и устные указания, встречался в Кремле с узким кругом лиц [84], с ними в основном обсуждал вопросы, связанные с советско-германскими отношениями, мог он продолжать обсуждение этих и других вопросов и вечером на даче. Единственное, чего Сталин не делал 19 августа 1939 г., - не выступал с речью на расширенном заседании Политбюро. Его в тот день просто не было. Исследователям не известны документы, в том числе и из архивного фонда Сталина, или чьи-либо свидетельства, которые могли бы подтвердить информацию агентства Гавас о заседании Политбюро 19 августа 1939 г. [85].

IV

Новый этап в развитии спекуляций вокруг "речи Сталина" начался в середине 1990-х гг. после того, как российский историк Т.С. Бушуева в рецензии на книги В. Суворова, опубликованной в журнале "Новый мир" [86], поделилась результатами своих архивных находок. Вот как она их представляет: *"В секретных трофейных фондах Особого архива СССР [87] удалось обнаружить сведения о том, что 19 августа 1939 г., то есть за четыре дня до подписания советско-германского договора о ненападении (пакта Молотова-Риббентропа), Сталин срочно созвал Политбюро и руководство Коминтерна. На этом заседании он выступил с речью, текст которой у нас никогда не публиковался"* [88]. Далее Бушуева приводит текст "выступления Сталина" в переводе с французского, в основном уже знакомый по сообщению агентства Гавас и дополнениям к нему, опубликованным в 1941-1944 гг. [89]. Вместе с тем в нем имелись и кое-какие отличия (некоторые пассажи были опущены, другие добавлены)*.

* В круглых скобках курсивом приводится уточненный перевод; в квадратных - текст, несущий смысловую нагрузку, который был опущен или изменен в сопоставлении с сообщением агентства Гавас от 28 ноября 1939 г.; места, содержащие опубликованные в последующие годы дополнения в текст, распространенный агентством Гавас, отмечены цифрами в косых скобках; новый текст - выделен полужирным.

"Вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу. [Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займет Советский Союз.] Если мы заключим договор о взаимопомощи (о союзе) с Францией и Великобританией (Англией), Германия откажется от Польши и станет искать "модус вивенди" с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР.

Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. /1941 {1}/. Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам (серьезным беспорядкам). В этих условиях (При таких обстоятельствах) у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну (мы сможем с выгодой для себя ждать, когда наступит наша очередь вступить в войну). [Именно это отвечает нашим интересам.] /1941 {2} /, /1942 {1} /.

Опыт двадцати последних лет показывает (доказывает), что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени (достаточно сильное для того), чтобы большевистская партия смогла бы (смогла) захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор (Наш выбор сделан), и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. [Нетрудно распознать выгоду, которую мы извлечем, действуя подобным образом. Для нас очевидно, что Польша будет разгромлена прежде, чем Англия и Франция в состоянии будут прийти ей на помощь.] **Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию.**

Германия предоставляет нам полную свободу действий в [трех] Прибалтийских странах и не возражает по поводу возвращения Бессарабии СССР. Она готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Остается открытым вопрос, связанный с Югославией (в отношении Югославии) *.

* В оригинале отточия нет, а следует текст, опущенный Бушуевой: "решение которого зависит от позиции, которую займет Италия; если Италия останется на стороне Германии, тогда последняя потребует от нее, чтобы Югославия относилась к зоне ее влияния; [и сверх того от Югославии - получения доступа к Адриатическому морю. Но если Италия не пойдет вместе с Германией, тогда Германия обеспечит себе выход к Адриатическому морю за счет Италии. При этом Югославия была бы отнесена к нашей зоне влияния, по крайней мере, в том случае, если Германия выйдет победительницей из войны] это в том случае, если Германия и Италия выйдут победителями из войны". См. также [29].

В то же время (*Однако*) мы должны предвидеть последствия (*возможности*), которые будут вытекать как из поражения, так и из победы (*появятся как в результате поражения, так и в результате победы*) Германии. /1941 {3}/. В случае ее поражения неизбежно произойдет советизация Германии и будет создано коммунистическое правительство. **Мы не должны забывать, что советизированная Германия окажется перед большой опасностью, если эта советизация явится последствием (*следствием*) поражения Германии в скоротечной войне.** Англия и Франция будут еще достаточно сильны, чтобы захватить (*занять*) Берлин и уничтожить советскую Германию. А мы не будем в состоянии (*а мы из-за нехватки времени будем не в состоянии*) прийти на помощь нашим большевистским товарищам (*товарищам-большевикам*) в Германии.

Таким образом, наша задача (*цель*) заключается в том, чтобы Германия смогла вести (*вела*) войну как можно дольше, с целью (*с тем*), чтобы уставшие и до такой степени изнуренные (*уставшие до крайности*) Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить советизированную Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжая ее сырьем и продовольственными товарами. Но, само собой разумеется, наша помощь не должна превышать определенных размеров для того, чтобы не подрывать нашу экономику и не ослаблять мощь нашей армии.

В то же самое время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в англо-французском блоке и преимущественно во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране в военное время [наша] партия будет вынуждена отказаться от легальной деятельности и уйти в подполье. /1942 {2} /. Мы знаем, что эта работа потребует многих (*много*) [средств] жертв, но [мы должны без колебаний принять на себя эти жертвы] наши французские товарищи не будут сомневаться (*будут непоколебимы*). Их задачами в первую очередь будут разложение и деморализация армии и полиции. Если эта подготовительная работа будет выполнена в надлежащей форме, безопасность советской Германии будет обеспечена, а это будет (*и Германия сможет даже*) способствовать советизации Франции. /1941 {4} /. Для реализации этих планов необходимо, чтобы война продлилась как можно дольше, и именно в эту сторону (*на это*) должны быть направлены все силы (*средства*), которыми мы располагаем **в Западной Европе и на Балканах.**

Рассмотрим теперь второе предположение, т.е. победу Германии. Некоторые придерживаются мнения, что эта возможность представляет для нас серьезную (*самую большую*) опасность. Доля правды в этом утверждении есть, но было бы ошибкой думать, что эта опасность будет так близка и так велика, как некоторые ее представляют. Если Германия одержит победу, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы начать вооруженный конфликт с СССР по крайней мере в течение десяти лет. Ее основной заботой будет наблюдение за побежденными Англией и Францией с целью помешать их восстановлению. С другой стороны, победоносная Германия будет располагать огромными территориями, и в течение многих десятилетий она будет занята "их эксплуатацией" и установлением там германских порядков (*их эксплуатацией и приспособлением к немецким*

порядкам). Очевидно, что Германия будет очень (*слишком*) занята в другом месте, чтобы повернуться против нас. /1941 {5}/, /1942 {3}/. Есть и еще одна вещь, которая послужит нашей безопасности. В побежденной Франции ФКП (*коммунистическая партия*) всегда будет очень сильной. Коммунистическая революция неизбежно произойдет, и мы сможем использовать это обстоятельство для того, чтобы прийти на помощь Франции (*коммунистической Франции*) и сделать ее нашим союзником. Позже все народы, попавшие под "защиту" победоносной Германии, также станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции.

Товарищи! В интересах СССР - Родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все (*и это является решающим для нас*), чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух (*обеих*) сторон. Именно по этой причине (*По этим причинам*) мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды (*если она будет объявлена*), продлилась максимальное количество времени. Надо будет усилить пропагандистскую работу в воюющих странах для того, чтобы быть готовыми к тому времени, когда война закончится..." [90].

Бушуева завершает публикацию "документа" выводом: *"Приведенный текст речи Сталина воспроизводится на основе ее французской копии, сделанной, вероятно, кем-то из Коминтерна, присутствовавшим на Политбюро [91]. Конечно, необходимо сравнить этот вариант с подлинником. Однако сделать это невозможно, так как он в архиве за семью печатями [92] и в ближайшее время вряд ли станут обнародовать факсимиле этого безусловно исторического документа, столь откровенно обнажившего агрессивность политики СССР. Эта речь Сталина легла в основу позиции советской стороны при подписании ею секретных протоколов с фашистской Германией о разделе Европы "* [93].

Заметим, что Бушуева представила не исследование с анализом и критикой источника, а всего лишь рецензию-панегирик на книги писателя Суворова "Ледокол" и "День - М", в которой пыталась подкрепить один из его центральных тезисов - *"Точный день, когда Сталин начал Вторую мировую войну, это 19 августа 1939 г."* [94]. С этой целью она и включила в рецензию обнаруженный в бывшем Особом архиве **один из вариантов** текста "речи Сталина" 19 августа 1939 г., опустив при публикации для придания ей большей достоверности некоторые сомнительные места из найденного материала.

В чем же отличие опубликованного Бушуевой текста "речи Сталина" от уже рассмотренных нами вариантов? Как видно из проведенных сопоставлений, документ из бывшего Особого архива в Москве содержит с некоторыми сокращениями и дополнениями все основные положения текста "речи Сталина", опубликованной с 1939 по 1944 гг. Поэтому можно предположить, что речь идет о различных вариантах одного и того же текста, подвергавшегося редактированию под влиянием политической конъюнктуры во Франции, обусловленной в свою очередь развитием международной обстановки. Каковы основания для подобного рода предположения?

Этот документ [95]. находился в фонде 2-го бюро Генштаба французской армии, в деле, содержащем материалы за период с 1918 по 1940 г. о различных аспектах деятельности ФКП, ее связях с компартией Германии, а также о полицейских мерах по борьбе с коммунистическим движением. Текст "речи Сталина" предварял официальный бланк Государственного секретариата по военным делам правительства Виши, на котором было зафиксировано рукописное распоряжение: *"Документ из надежного источника о коммунизме. Использовать, принимая во*

внимание указания, которые должны быть даны офицерам М.А. [96]. Директивы представить нам" [97].

Что дает нам эта резолюция? Во-первых, соотнесение документа с местом и временем его активного использования службой разведки и контрразведки при правительстве Виши. Во-вторых, хотя сама резолюция не датирована, но на следующей странице, где после преамбулы начинается текст "речи Сталина", вверху от руки проставлена дата: 23-12-40 [98]. Учитывая содержание текста "речи Сталина", особенно в сравнении с версиями, увидевшими свет позднее, можно сделать вывод, что как публикации Рюффена 1941 г. и 1944 г., так и текст "речи Сталина", помещенный в книге де Ла Праделя, были так или иначе инициированы и в соответствии с меняющейся обстановкой модифицированы секретной службой Петена [99].

Тексту "речи Сталина" была предпослана преамбула, опущенная Бушуевой при публикации: *"Почему СССР подписал договор с рейхом? Этим вопросом задаются еще многие французские коммунисты. Здесь изложены мотивы, по которым правительство СССР 19 августа вынуждено было подписать известные политические и экономические соглашения с рейхом. 19 августа в 10 часов вечера Сталин созвал Политбюро и виднейших лидеров Коминтерна. Сталин заявил: ..."*

Данная преамбула содержит существенные отличия от текста, распространенного агентством Гавас 28 ноября 1939 г. С одной стороны, здесь нет ни слова о самом агентстве [100] и надежности источника, от которого был получен текст; не упоминаются также некоторые детали, связанные с "заседанием Политбюро 19 августа": степень секретности, обусловившую присутствие на нем деятелей Коминтерна, входивших только в его "русскую секцию"; срочность созыва заседания и т.п. С другой стороны, преамбула более определенно указывает на конкретного адресата документа - французских коммунистов. Эта адресность уже присутствовала в первоначальном варианте "речи Сталина", но на ней еще не акцентировалось столь значительное внимание.

Заключительная часть документа из бывшего Особого архива [101] по сравнению с концовкой, опубликованной в конце ноября 1939 г. (см. выше), несколько видоизменена и выглядит следующим образом: *"Предложение было принято единогласно. Затем Политбюро приняло решение: поручить председателю Коминтерна Мануильскому совместно с товарищем Димитровым разработать инструкции для зарубежных компартий [102]. Товарищи, верьте товарищу Сталину, вождю мировой революции. Будьте уверены, большевистско-социалистическая революция восторжествует, несмотря на все препятствия. Работайте смело под его руководством. Да здравствует Коммунистический Интернационал..."*

Последний абзац документа, по-видимому, должен был передать атмосферу происходившего, якобы "типичную" для заседаний Политбюро. Скорее всего он был заимствован из стенограммы XVIII съезда ВКП(б) или торжественного собрания, посвященного какой-либо революционной годовщине.

Текст "речи Сталина" в "Новом мире", "упрятанный" в рецензию, вряд ли привлек бы большое внимание, особенно западных историков, но спустя всего лишь несколько месяцев о нем в специальном докладе говорил Дорошенко на научном семинаре в Новосибирске [103], в котором выдвигалась версия происхождения этого текста, не уступающая "нефантастическим" произведениям писателя Суворова. По утверждению Дорошенко, он *"был сделан, вероятнее всего, по распоряжению Сталина с лакунами государственных секретов и передан по его же распоряжению как для исполнения руководству ФКП, так и агентству Гавас для разгрома ФКП французским правительством, что вполне в духе Сталина"*. Неизбежно возникает вопрос: зачем это нужно было Сталину? Дорошенко предлагает на него следующий ответ: *"С помощью публикации этого текста достигалась задача дезорганизации самого крупного сухопутного врага гитлеровской Германии - Франции, а именно путем компрометации компартии Франции. И эта*

цель была достигнута - французская компартия в тот период была запрещена как пособник врага..." [104].

Эти рассуждения представляют собой очевидный нонсенс, даже если абстрагироваться от "интерпретации" замыслов Сталина. Французское правительство начало проводить политику ограничения деятельности ФКП сразу же после одобрения ею советско-германского пакта. 26 августа были запрещены центральные газеты компартии - "Юманите" и "Се суар", а спустя ровно месяц, 26 сентября, было принято решение о запрещении ФКП и связанных с ней организаций без какой-либо юридической мотивировки. Согласно изданному декрету, запрещалась *"всякая деятельность, прямо или косвенно имеющая целью распространение лозунгов, исходящих или зависящих от Третьего Коммунистического Интернационала или от организаций, фактически контролируемых этим Третьим Интернационалом"* [105]. И все это произошло за 2 месяца до распространения агентством Гавас текста "речи Сталина".

Дорошенко стремится также подвести некую теоретическую базу под политические и стратегические "ошибки Сталина", которые *"отразились в данном тексте и, более того, сформировали сам текст в соответствии с тогдашними взглядами Сталина"* [106]. Он представляет их в виде агрессивности сталинской политики и его стремления к революционизированию Европы, говорит о политической недалекости Сталина (вместо того чтобы, помогая западным державам, затянуть войну, он делает все наоборот). Рассуждая о "десятилетиях" мирной жизни для СССР, Сталин сосредоточил слишком крупные силы на границе с Германией, что не позволило Гитлеру демобилизовать вермахт после завершения западной кампании *"перед лицом, вероятно, не столько продолжающейся войны с Англией, сколько перед лицом Красной Армии"* [107]. Так, "речь Сталина" в построениях Дорошенко [108] непосредственно смыкается с тезисом о "превентивной войне" Германии против СССР в 1941 г., выступая в качестве его программно-теоретического обоснования.

Источниковедческо-археографический анализ предполагает в качестве *conditio sine qua non* критику источника с использованием всего находящегося в распоряжении науки материала [109], а не обрывочных сведений, способных скорее запутать, чем прояснить вопрос. Критика источника исключает априорное суждение о нем, требуя не только строго документированных выводов, но и обоснованных предположений; она допускает полемические суждения при условии их аргументированности и корректности. К сожалению, этим требованиям "анализ" Дорошенко не удовлетворяет.

Публицистический доклад Дорошенко, опубликованный в малотиражном сборнике в Новосибирске, не мог иметь большого резонанса, но в том же году он был перепечатан в сборнике РГГУ в Москве [110]. Во вступительной статье Ю.Н. Афанасьева подчеркивалось, что *"из конкретных событий предвоенных лет в первую очередь следует обратить внимание на текст речи Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г., содержание которой не оставляет сомнений относительно агрессивных намерений советского руководства и прямого его участия в развязывании Второй мировой войны"*. Приведя из нее пространные цитаты, Афанасьев резюмирует: *"Достоверность речи подтверждается не только источниковедческим анализом, но и, что особенно важно, многими важнейшими фактами и событиями предвоенных лет, а также всем послевоенным мироустройством"* [111]. Факты, правда, не приводятся, аргументация тем более, но это и не так важно. Главное - как "речь Сталина", так и ее "источниковедческий анализ", сделанный Дорошенко, получили "добро" на столь авторитетном, правда, не столько научном, сколько на овевянном прежней оппозиционностью уровне [112].

Конечно, не "анализ" Дорошенко, а реклама, которую он и те, кто поддержал его, сделали "речи Сталина", вызвала определенный резонанс на Западе.

В консервативной "Die Welt" появилась статья под броским заголовком "Сталинская стратегия войны и мира", где подробно излагалось содержание "речи Сталина", якобы *"найденной теперь в секретных советских архивах, которая по-новому освещает историю Второй мировой войны"* [113].

Через полтора месяца та же "Die Welt" публикует ответ на эту публикацию израильского историка Г. Городецкого под еще более хлестким заголовком "Секретная речь Сталина парижского происхождения" [114]. Трудно представить более неудачный вариант "опровержения" "речи Сталина", чем это получилось у Городецкого. Утверждая, что *"французская секретная служба сфальсифицировала выступление, чтобы способствовать принятию решительных мер против Советского Союза"*, он не привел ни одного сколько-нибудь серьезного доказательства в пользу этой версии. Неизвестно откуда появилась и дата фальсификации - 23 декабря 1939 г.(?), не выдерживающая никакой критики, поскольку изложение "речи Сталина" было распространено агентством Гавас еще 28 ноября 1939 г. Статья Городецкого изобиловала фактическими неточностями и очевидной ангажированностью, выразившейся в стремлении представить Сталина в роли последовательного поборника политики коллективной безопасности, чем не замедлили воспользоваться его оппоненты, оценившие публикацию Бушуевой как важное научное открытие [115].

Появились и попытки использовать такие "открытия" в целях, далеких от исторической науки. Бывший председатель ультраправой Национал-демократической партии Германии А. фон Тадден, обрушившись на западную историографию, которая в основном не разделяет тезис о "превентивной войне" Германии против СССР [116], решил противопоставить ей российскую. Он заявил: *"В то время как речь Сталина 19 августа 1939 г. была охарактеризована "западной историографией" как дешевая антикоммунистическая фальшивка и отброшена, российские историки, напротив, с помощью средств, которые находились в их распоряжении, постарались прояснить ситуацию"*. По его мнению, новосибирские историки *"положили начало обширному исследованию всей предыстории Второй мировой войны"* [117].

Фон Тадден приводит наиболее "яркие" места из статьи Дорошенко, которые должны убедить читателя, что главный виновник Второй мировой войны был вовсе не Гитлер, а Сталин. В книге "Ловушка Сталина" он делает следующий вывод: *"Если в 1995 г. появляется речь Сталина, в которой тот 19 августа 1939 г. характеризует разразившуюся спустя четырнадцать дней войну как отвечающую интересам Советского Союза и поэтому желательную, тогда рушится также [первая] опора единоличной ответственности Германии за войну. Второй опорой является утверждение о коварном и преступном нападении на ничего не подозревающий и миролюбивый сталинский Советский Союз. Если теперь, - прогнозировал фон Тадден, - российскими историками будет подтверждено соответствующими документами, что германское нападение 22 июня 1941 г. только на несколько недель опередило нападение Красной Армии, тогда рухнет вторая опора"* [118].

Для некоторых западных историков и публицистов "речь Сталина" стала своего рода "рычагом", используя который они предпринимают попытки подвергнуть пересмотру всю предысторию Второй мировой войны.

Так, в книге В. Штрауса "«Операция "Барбаросса» и спор российских историков" одна из глав названа "Вторая мировая война началась 19 августа 1939 г." [119]. Представляя российских сторонников подлинности текста "речи Сталина" (новосибирских историков В.Л. Дорошенко, И.В. Павлову) в качестве "ревизионистов", Штраус не анализирует опубликованные ими доклады, а использует их только для подтверждения своих взглядов на предысторию Второй мировой войны, главным виновником возникновения которой, ее поджигателем он, как и Дорошенко, считает Сталина [120]. Рассматривая российскую публикацию "речи Сталина" как имеющую

"всемирно историческое значение" [121], Штраус считает ее *"новым фундаментальным достижением российского ревизионизма"* [122], знаменующим *"поворотный пункт в области фундаментальных исследований"* всей Второй мировой войны [123].

Штраус полагает, что *"своим впечатляющим успехом российские ревизионисты обязаны также немецким историкам, например И. Хоффману. Его ревизионистские тезисы подробно представлены историком Павловой"* [124]. В книге Хоффмана "Война Сталина на уничтожение 1941-1945 гг." затрагивается вопрос об *"эпохальной речи Сталина"*, подлинность которой у автора не вызывает сомнений не только потому, что она была *"обстоятельно проанализирована и прокомментирована"* в ходе конференции в Новосибирске, а прежде всего из-за болезненной реакции Сталина на распространение текста этой речи агентством Гавас [125].

Хоффман считает - и не без оснований - австрийского философа Э. Топича своим единомышленником [126], вместе с которым, а также с писателем В. Суворовым, они в 1980-е гг. якобы совершили *"научный прорыв"* [127] в раскрытии агрессивных замыслов Сталина. Но в оценке "речи Сталина" их взгляды несколько разошлись. Хотя Топич и утверждает, что содержащиеся в ней взгляды Сталина находят подтверждение в других документах, но тем не менее приходит к выводу, что текст "речи Сталина", распространенный агентством Гавас, *"является спорным и не обладает собственной доказательностью"* [128].

Напротив, для австрийского историка Х. Магенхаймера, исследовавшего советскую внешнюю политику того времени, все свелось только к повторению известных аргументов апологетов текста "речи Сталина" [129]. В последних работах он вновь возвращается к этому вопросу, особо подчеркивая, что *"российские историки никоим образом не сомневаются"* в аутентичности *"этого ключевого документа"*, в котором *"с сегодняшней точки зрения Сталин дает довольно обоснованную оценку положения"* [130].

В западной историографии имеет место и некая амбивалентность оценок этой "речи Сталина", выразившаяся, в частности, в признании за данным "документом" своего рода "полуофициального" статуса: с одной стороны, констатация затруднительности *"установления его аутентичности"* и допущение, что *"документ был частично подделан и возможно даже составлен задним числом"*, а с другой - отсутствие сомнений *"в точности французского сообщения"*, отражавшего *"в убедительных выражениях стратегию Сталина в период после заключения пакта"*, частично совпадавшую *"с записями в дневнике Димитрова от 7 сентября"*. Последнее даже дало основание профессору С. Понсу (Институт Грамши) для предположения, что *"текст «речи» Сталина был другим вариантом этих записей"* [131].

В западной историографии фактически не было серьезной реакции на всплеск спекуляций 1990-х гг. вокруг "речи Сталина", за исключением, пожалуй, лишь статей профессора Бохумского университета Б. Бонвеча. Вступив в полемику с В. Суворовым сразу же после появления "Ледокола", Бонвеч не прошел мимо вопроса и о месте 19 августа 1939 г. в оценке внешней политики СССР, подтвердив вывод Йеккеля, аргументы которого он назвал *"очень убедительными"*, что текст якобы произнесенной хозяином Кремля речи не может рассматриваться *"как доказательство намерений Сталина"* [132]. Спустя почти 10 лет Бонвеч более подробно остановился на этом сюжете, учитывая резонанс, вызванный находкой в московском архиве. По его мнению, "комментарий", сопровождающий публикацию Бушуевой в "Новой мире", статья Дорошенко, а также неоднократная перепечатка текста "речи Сталина" есть не что иное, как *"бесцеремонное использование вероятнее всего фальшивого документа для подтверждения тезиса о преднамеренном провоцировании Сталиным мировой войны в целях создания возможности Советскому Союзу выступить на европейской арене в качестве «третьего радующегося» и экспортировать социалистическую систему"*.

Подобного рода методы работы вызвали у Бонвеча нескрываемое сожаление еще и потому, что российские историки, как он полагает, в наше время должны знать о Сталине, процедуре принятия решений на Политбюро и т.п. значительно больше по сравнению с тем, что мог знать Йеккель, публикуя в конце 1950-х гг. результаты своего исследования. Свою оценку ситуации в российской историографии Бонвеч резюмирует так: *"Реакция на длившееся десятилетиями преднамеренное преуменьшение опасности советской политики не должна приводить к некритичному обращению с источниками, которые создают впечатление о доказательстве противоположного"*, тем более что доступны другие документы, проливающие свет на советскую внешнюю политику, подлинность которых у исследователей не вызывает сомнений [133].

В российской историографии не было дискуссий вокруг "речи Сталина" 19 августа 1939 г., хоть каким-то образом сопоставимых с тем, что имело место по поводу его выступления перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г., не говоря уже о накале страстей в ходе российского "спора историков" о намерениях и планах Сталина весной 1941 г. Тем не менее "речь Сталина" оказалась востребована. Некоторые историки не только безоговорочно взяли на вооружение ее текст, как не вызывающий никаких сомнений, но и выдвинули вполне в духе того времени ("кругом враги") версии его происхождения, якобы связанные с *"предательством в Кремле"* [134], и с активностью британской резидентуры в Москве, организовавшей совместно с французской разведкой передачу полученной информации в агентство Гавас [135].

Текст "речи Сталина", опубликованный Бушуевой, очень импонировал ряду радикально настроенных историков (*"настоящей сенсацией"* назвал его Д.Г. Наджафов [136]), подкрепляя их собственную трактовку советской внешней политики как направленной на революционизирование Европейского континента. Поэтому они цитируют из "речи" некоторые, особенно "лакомые" кусочки, не утруждая себя даже анализом текста [137]. Одни историки занимают осторожную позицию в отношении этого "выступления Сталина", однако и они считают возможным его цитировать [138]. Другие более откровенны, хотя их точка зрения не отличается логикой: поскольку документы, *"освещающие настроения в Кремле накануне заключения пакта о ненападении с Германией"*, все еще недоступны для исследователей, полагает М.И. Мельтюхов, *"тем большее значение приобретает публикация Бушуевой французской записи речи Сталина перед членами Политбюро 19 августа 1939 г."*, чье *"содержание корреспондирует с другими недавно рассекреченными советскими документами этого периода"* и это *"позволяет использовать эту публикацию"* [139].

Ряд историков апеллирует и к конкретному документу, якобы полностью подтверждающему аутентичность текста "речи Сталина" [140], - к записи в дневнике Г. Димитрова о встрече со Сталиным 7 сентября 1939 г. [141]. Однако при этом упускают из виду или игнорируют все то, что предшествовало приглашению Сталиным Димитрова для беседы.

Конечно, не все российские историки взяли на вооружение эту "речь Сталина" от 19 августа 1939 г. для раскрытия его глобальных внешнеполитических замыслов. Некоторые позволили себе усомниться в подлинности этого текста, резонно считая, как это сделал В.А. Невежин, что источник, на основании которого была сделана в России публикация этой речи, *"требует критического анализа"* [142]. Подобные сомнения не остались незамеченными, вызвав даже возмущение со стороны одного из самых активных апологетов "речи Сталина" Павловой [143]. При этом она, несмотря на все ею же приводимые "неопровержимые" доказательства подлинности [144] "речи Сталина", признает, что все-таки с обнаруженным в бывшем Особом архиве документом не все ясно (*"с этим текстом связаны серьезные научно-теоретические трудности и загадки, которые необходимо разрешить"*). Правда, резюмирует Павлова, *"в разрешении этой проблемы до сих пор большие политических трудностей, что свидетельствует о нравственной незрелости ситуации"* [145].

Рискну предположить, что ситуация "нравственно" уже созрела, а политические трудности пока еще не наступили, и поэтому стоит подвести черту под многолетними спекуляциями вокруг "речи Сталина" 19 августа 1939 г., представив основные результаты предпринятого исследования.

V

Приоритетной задачей послеюнхенской политики Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией, что обуславливалось как продолжаемой западными державами политикой "умиротворения" и все большего дистанцирования от советского тоталитарного режима, так и обозначившейся общностью внешнеполитических интересов СССР и Германии, которую Сталин из-за ограниченности выбора вариантов поведения на международной арене "разглядел" раньше, чем Гитлер. Конкретные шаги в этом направлении были предприняты Москвой еще осенью 1938 г. [146]. Но путь к этому соглашению был не простым, причем многое не зависело ни от намерений Сталина, ни даже Гитлера, определяясь сложением различных факторов международного развития.

Сталин стремился обеспечить национально-государственные интересы СССР, представление о которых создалось у него из набора весьма противоречивых компонентов, таких как его коммунистические взгляды и эклектические воззрения на национально-государственную традицию России, унаследованную Советским Союзом, схематическое видение будущего мирового устройства и стремление обеспечить СССР соответствующее положение в новой системе координат [147]. При этом на передний план он выдвигал геополитическую составляющую этих интересов, видя в расширении границ страны, т.е. в экспансии, лучшее средство для обеспечения ее безопасности. Был ли Сталин заинтересован в войне? Несомненно, но... не во всякой. По его замыслу, приведшему к соглашению с Третьим рейхом, а не с западными державами, одна из первоочередных задач Кремля заключалась в том, чтобы, используя участие европейских держав в военном конфликте, аннексировать, "*прибрать к рукам*" [148] страны, отнесенные по договоренности с Берлином к "сфере интересов" СССР, и при этом по возможности остаться вне большой войны.

Все связанное с внешней политикой всегда было окутано в СССР большой тайной. В силу жесткого контроля, осуществляемого лично Сталиным, даже каждый член Политбюро должен был знать только то, что непосредственно относилось к сфере его компетенции [149]. По продолжительности посещений кремлевского кабинета Сталина на протяжении месяца, предшествовавшего заключению советско-германского договора о ненападении, можно судить о мере вовлеченности членов руководящей "пятерки" в большую "игру" на международной арене. Молотов (более 62 час.), Ворошилов (60 час.), Каганович (более 25 час.), Микоян (более 23 час.), а также не входившие в "пятерку" - член ПБ Жданов (около 16 час.) и кандидат в члены ПБ Л.П. Берия (17 час.) [150]. Все они в зависимости от возглавляемого ими ведомства или курируемого направления принимали участие в обсуждении вопросов, связанных с реализацией внешнеполитического курса, и были в основном посвящены в замыслы Сталина, касающиеся сближения с Германией [151]. У него не возникало необходимости разъяснять им то, что неоднократно обсуждалось в предшествовавшие недели, а тем более вводить в заблуждение, называя решенными те проблемы, которые только должны были стать предметом переговоров с Риббентропом.

Исследователи крайне мало знают, как проходили заседания Политбюро, не говоря уже о встречах ведущей "пятерки". Как правило, в Кремль вызывались для доклада или справки, обсуждения конкретных вопросов или получения указаний только те лица, номенклатурное положение и уровень компетенции которых позволяли высшему руководству получить необходимую информацию, обсудить вопрос и принять решение, а также обеспечить его выполнение. И

отношения Сталина с руководством Коминтерна в конце 1930-х гг. не были исключением, ограничиваясь встречами с Димитровым и Мануильским [152]. Совместные заседания Политбюро с участием видных деятелей Коминтерна никогда не проводились. Выступал Сталин на расширенных заседаниях Политбюро крайне редко, в случаях, когда возникала необходимость ознакомить приглашенных с конкретными директивными указаниями, которые следовало затем довести до сведения нижестоящих исполнителей или даже всей страны [153].

Руководство Коминтерна не было посвящено в планы Сталина, направленные на сближение с Берлином. Ничего не было ему известно и об изменениях, произошедших во внешнеполитическом курсе СССР в результате подписания советско-германского договора о ненападении. Об этом убедительно свидетельствуют следующие факты. 20 августа, т.е. на следующий день после якобы имевшего место выступления Сталина на заседании Политбюро, состоялось заседание Секретариата ИККИ, на котором присутствовали многие видные деятели Коминтерна и руководители ряда компартий. Они обсуждали вопрос о положении и задачах Объединенной соцпартии Каталонии и ее отношения с компартией Испании [154].

Прошло еще 2 дня и вновь собрался на заседание Секретариат ИККИ. В ходе заседания было рассмотрено два вопроса: 1. Об антисоветской кампании по поводу переговоров между СССР и Германией; 2. О приезде делегации КП и комсомола Англии. Среди принятых Секретариатом установок по организации компартиями наступления *"против буржуазной и социал-демократической печати"* на первом месте значилась: *"Эвентуальное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией не исключает возможности и необходимости соглашения между Англией, Францией и СССР для совместного отпора агрессорам"*. Обращалось также внимание на необходимость *"указать партиям о необходимости продолжать с еще большей энергией борьбу против агрессоров, в особенности против германского фашизма"* [155]. Характер рассмотренных вопросов позволяет предположить, что участники заседания (К. Готвальд, Г. Димитров, О. Куусинен, Д. Мануильский, А. Марти, В. Флорин) не имели информации о "речи Сталина". Инструкции, разработанные Секретариатом ИККИ 22 августа, свидетельствовали о полном отсутствии у руководства Коминтерна представлений относительно истинного содержания предстоявших советско-германских договоренностей.

27 августа Димитров и Мануильский направили Сталину письмо, в котором шла речь о позиции, занятой компартиями по отношению к советско-германскому пакту о ненападении. В нем руководители Коминтерна просили также совета по вопросу об отношении ФКП к мероприятиям французского правительства по организации обороны страны. *"Мы думаем, (выделено мной. - С.С.) - говорилось в письме, - что компартия должна и впредь стоять на позиции сопротивления агрессии фашистской Германии. Она должна поддерживать мероприятия по укреплению обороноспособности Франции, но в то же время обусловить свою поддержку этих мероприятий требованием сохранения для партии возможности открыто излагать свои взгляды и развивать свою деятельность"* [156]. Очевидно, что Димитров и Мануильский по-прежнему оставались в полном неведении относительно "речи Сталина" и заключавшихся в ней "установках", иначе невозможно объяснить ни их письмо Сталину, ни его содержание.

Ответа на это обращение к Сталину не последовало. Поэтому в условиях начавшейся Второй мировой войны руководство Коминтерна продолжало действовать в духе традиционных установок, не имея ясного представления о произошедших кардинальных переменах во внешнеполитическом курсе Кремля после 23 августа [157]. Это становится ясно из решения, принятого на заседании Секретариата ИККИ 2 сентября: *"Поручить комиссии в составе тт. Димитрова, Куусинена, Мануильского выработать директиву Компартиям, на основе состоявшегося обмена мнениями"* [158].

В распоряжении исследователей имеется часть проекта тезисов, написанных Мануильским [159], работа над которыми продолжалась вплоть до 5 сентября [160]. В них, в частности, отмечалось: *"Победа германского фашизма в войне несет наибольшую опасность для международного рабочего движения. Поэтому долг коммунистов всех стран и в первую очередь коммунистов Германии содействовать поражению германского фашизма"*. Далее Мануильский намечал конкретные задачи для коммунистов различных стран, в том числе уже захваченных нацистской Германией, лозунгом которых должна была стать борьба за национальное освобождение. Что касается Польши, то для нее наиболее актуальным считалось требование свержения *"нынешнего правительства, приведшего страну к катастрофе, создания правительства рабочих и крестьян, могущего возглавить народную борьбу за национальную независимость"* [161].

В то же время Димитров, будучи искушенным политиком, явно почувствовал, что произошло нечто, не укладывавшееся в привычные представления об отношении советского руководства к начавшейся войне [162]. Беседуя 4 сентября со Ждановым, он вновь вернулся к вопросам, поднятым в письме к Сталину от 27 августа и оставшимся без ответа. Жданов не был готов либо не был уполномочен давать какие-либо разъяснения на этот счет и попросил Димитрова прислать ему копию этого письма. Направляя ее на следующий день, Димитров писал, что при подготовке документа о принципиальной линии и тактических позициях компартий в условиях разразившейся империалистической войны в Европе *"мы встречаем исключительные трудности и для их преодоления, как и для принятия правильного решения, мы нуждаемся больше, чем когда бы то ни было, в непосредственной помощи и совете товарища Сталина"* [163]. Мог ли Димитров писать нечто подобное, если бы руководство Коминтерна что-либо знало о "речи Сталина", не говоря уже о присутствии кого-либо из его видных функционеров на заседании Политбюро 19 августа? Вопрос, разумеется, риторический.

Такова была предыстория встречи Сталина с Димитровым 7 сентября, которую совершенно обходят вниманием приверженцы подлинности "речи Сталина". Впрочем, о Коминтерне все-таки вспоминают именно в связи с этой беседой. На нее ссылаются некоторые историки, утверждающие, что *"содержание записи Г. Димитрова вполне соответствует тому, о чем Сталин говорил 19 августа 1939 г."* [164]. При этом акцентируется внимание на следующих словах Сталина: *"Мы не прочь, чтобы они (капиталистические державы. - С.С.) подрались хорошенько и ослабили друг друга"*.

Хотя эти слова и корреспондируются с тональностью текста "речи Сталина", они никак не могут служить доказательством его подлинности, представляя общее место, "секрет полишинеля" стратегии СССР на международной арене, о чем нередко писала западная некоммунистическая пресса [165]. К тому же эта действительно стержневая для Сталина мысль выражена не навязчиво, с использованием почти "домашней" лексики, но при этом налицо явная заинтересованность Сталина в крупном и затяжном военном конфликте между враждующими сторонами, результатом которого должно стать их взаимное ослабление. Однако Сталин не говорит о том, что *"нужно сделать все, ...чтобы эта война длилась как можно дольше"* ("речь Сталина"), хотя и наверняка думает об этом [166]. Говорит же он Димитрову и присутствующим на встрече нечто совсем иное: *"Эта война ничего не даст рабочим, трудящимся, кроме страданий и лишений"*, а потому необходимо *"выступить решительно против войны и ее виновников"*. Сталин, вводя в курс дела руководство Коминтерна, не фантазирует, рисуя радужные картины будущего мироустройства: *"Безопасность советской Германии будет обеспечена, и Германия сможет даже способствовать советизации Франции"* ("речь Сталина"), а говорит только по существу, т.е. о том, о чем уже достигнута договоренность с Риббентропом, да и то в сослагательном наклонении: *"Что плохого было бы, если (выделено мной. - С.С.) в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население"*.

Ознакомившись с программной статьей Димитрова, которая фактически заменила тезисы ИККИ "Война и задачи коммунистов", и внося в нее ряд исправлений, Сталин считал необходимым вновь встретиться с ним 25 октября [167], чтобы еще раз разъяснить задачи, стоящие перед Коминтерном. Лейтмотивом его высказываний стало стремление всячески приглушить революционную борьбу в капиталистических странах, как совершенно несвоевременную: *"Ставить сейчас вопрос о мире на основе уничтожения капитала (выделено мной. - С.С.) - значит помогать Чемберлену, поджигателям войны, значит изолировать себя от масс!"* Поэтому, подчеркивал Сталин, *"необходимо выдвигать лозунги, которые соответствуют современному моменту войны"*, *"необходимо постепенно приобщать массы к революционным лозунгам"* и не копировать опыт большевиков периода Первой мировой войны, которые *"переоценили ситуацию"* [168].

Все эти высказывания (указания) Сталина, нашедшие отражение не только в дневнике Димитрова, но и во многих документах Секретариата ИККИ, создают реальное представление о том, что Сталин говорил или мог говорить, когда речь шла о позиции СССР и задачах Коминтерна в связи с начавшейся Второй мировой войной, а также о том, в какой мере руководство Коминтерна, рассматриваемого в Кремле в качестве одного из инструментов советской внешней политики, было информировано о произошедших изменениях во внешнеполитическом курсе СССР после 23 августа 1939 г. Это вовсе не означало, что Сталин при этом думал именно то, что говорил, но он и говорил *"не для того, чтобы высказать то, что он думает и как он думает"* [169]. Это означало лишь то, что в тот конкретный момент он считал необходимым, чтобы прозвучали именно эти слова, сразу же превратившись в генеральную линию советского руководства, воплощенную в директивы, лозунги, статьи, публичные выступления и т.п.

Таким образом, находящиеся в распоряжении исследователей документы Коминтерна указывают на то, что **только** в ходе состоявшейся 7 сентября встречи Сталина с Димитровым и Мануильским руководство ИККИ было сориентировано относительно изменившегося подхода Кремля к начавшейся войне. Обозначив свою недвусмысленную заинтересованность во взаимном ослаблении находящихся в состоянии войны сторон, Сталин одновременно сформулировал конкретные лозунги для зарубежных компартий, носившие антивоенный и антикапиталистический характер.

Обратимся теперь к "французскому следу" текста "речи Сталина".

Анализ всех известных ее вариантов дает основания для вывода о существовании **одного основного** или первоначального текста, распространенного 28 ноября 1939 г. агентством Гавас, а затем опубликованного в "Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques", и его доработанного варианта, оказавшегося не позднее 23 декабря 1940 г. в распоряжении службы разведки и контрразведки при правительстве Виши, т.е. того варианта "речи Сталина", который впоследствии был обнаружен в Москве [170].

Ссылка в сопроводительной бумаге к нему на указания по использованию текста "речи Сталина" офицерами спецслужбы дает основания для предположения, что обе статьи Рюффена, а также публикация этого текста в книге де Ла Праделя увидели свет не без участия этой спецслужбы. Подтверждением этому служит и тот факт, что все дополнения к тексту "речи Сталина", опубликованные в 1941-1944 гг., касались не геополитических амбиций Кремля, а исключительно революционизирования Европы, в основном Франции, и задач компартии в этой связи. В поверхностно доработанном варианте "речи Сталина" были устранены некоторые бросающиеся в глаза нелепости и критика политики западных держав по отношению к Польше. Последнее свидетельствует о том, что доработка текста происходила после поражения Франции, когда общественность страны, большая часть которой была оккупирована, болезненно реагировало на напоминание о трагических последствиях внешнеполитических просчетов своего правительства.

Первоначальный вариант "речи Сталина" готовился в условиях форс-мажора во внутривластной жизни Франции, вызванного внешними факторами, в том числе советско-германским партнерством. После доклада Молотова 31 октября [171] полпред СССР во Франции Я.З. Суриц так характеризовал позицию официального Парижа по отношению к Москве: *"Непосредственным результатом выступления т. Молотова было распоряжение, отданное цензуре, не стеснять печать в отношении СССР. ...Что касается общей оценки нашей внешней политики, - резюмировал он, - то по-прежнему наблюдаются три основных варианта: 1) она рассчитана на развязывание мировой революции; 2) эта политика русская и национальная, воскрешающая линию, проводившуюся царским империализмом... и 3) сочетание того и другого"* [172].

Несмотря на роспуск компартии, деятельность депутатов-коммунистов, официально объединившихся в "рабоче-крестьянскую группу" и тем самым еще какое-то время сохранявших свои мандаты, а соответственно и некоторые возможности для пропаганды установок Москвы в пользу прекращения войны [173], вызвала озабоченность правительства Франции. Другой советский дипломат отмечал в этой связи: *"В правительственных кругах очень обозлены текстом обращения Коминтерна в связи с 22 годовщиной Октябрьской революции и статьей тов. Димитрова, помещенной в последнем номере «Рэвю Энтернациональ»* [174]. *Эти лозунги в мирное время, в прошлые годы имели будто бы другой смысл. Теперь же, в условиях войны, они показывают, что Москва будет якобы продолжать вмешательство во внутренние дела Франции* [175]. *Этот факт особенно тревожит руководителей правительства и военные круги ввиду того, что нынешняя внутренняя политика французского правительства и без того вызывает недовольство в массах. Этим и объясняется, - приходил к выводу дипломат, - что печати был дан сигнал поднять кампанию против лозунгов Коминтерна, которая, конечно, проходит под антисоветским флагом"* [176].

Приведенные оценки, при всей их субъективности, высвечивают заинтересованность французских властных структур в разоблачительном материале, демонстрирующем долгосрочную ставку Москвы на компартию как свое орудие по советизации страны, изображающем внешнюю политику Кремля не только как соучастника раздела Восточной Европы, но и как очень коварного партнера Третьего рейха, делающего ставку на взаимное ослабление Германии и западных держав ради революционизирования Европы и установления полного контроля над ней; вбивающего клин между Москвой и Берлином, позволяющего заронить у последнего сомнения по поводу надежности *"дружбы, скрепленной кровью"*. Раскручивание в ходе широкой антисоветской кампании в печати запущенного через агентство Гавас "документа из надежного источника" должно было способствовать решению поставленных задач [177]. Через 2 дня после его появления, 30 ноября, СССР напал на Финляндию, что предсказывалось наблюдателями, демонстрируя перед всем миром свою экспансионистскую политику.

Анализ содержания "речи Сталина" позволяет высказать также некоторые предположения относительно ее автора и методов его работы. Его личность вряд ли ныне поддается установлению, да это, впрочем, и не так важно. Его связь с французскими секретными службами, о чем стали писать историки только на основании того, что текст "речи Сталина" был обнаружен в архивном фонде 2-го бюро Генштаба Франции [178], исключать нельзя, но имеющаяся аргументация пока недостаточна.

Скорее всего этот, по определению Иеккеля, *"специалист по большевизму"* был информирован о внешней и внутренней политике СССР не из "первых рук", а преимущественно из французской прессы. Об этом не в последнюю очередь свидетельствуют типичные для журналистики "ляпы" в "речи Сталина", в том числе и пренебрежение к деталям. Содержащиеся в тексте пассажи о *"масштабах советско-германских договоренностей"* характеризуют автора как дилетанта в

вопросах международных отношений. Имели место также как филиация общей "идеи", так и почти текстуальные заимствования из опубликованных статей, правда, иногда с заменой Германии на Францию в качестве проигравшей стороны [179]. При этом автор явно переборщил, уделив слишком большое внимание вопросам будущего революционизирования Европы и роли ФКП в этом процессе. Между тем эти проблемы едва ли занимали сколько-нибудь заметное место в тогдашних замыслах Сталина, о чем свидетельствовали его указания Димитрову в ходе бесед 7 сентября и 25 октября. Очевидно, что и с информацией о деятельности Коминтерна у автора "речи Сталина" дело также обстояло неважно. Он не был в курсе механизма отношений между советским руководством и верхушкой Коминтерна (Димитров, Мануильский), исключавшего в 1939 г. отсутствие кого-либо из них на заседании в Кремле, где могла идти речь о задачах зарубежных компартий [180]. Поэтому линия "Кремль- Коминтерн" в "речи Сталина", как и весь текст в целом, оказались явно не на уровне поставленных заказчиком задач, что во многом предопределило его фактическое забвение, пока не наступили другие времена.

Резюмируя все сказанное, можно с уверенностью утверждать, что 19 августа 1939 г. Сталин не произносил речи ни в приписываемой ему агентством Гавас форме, ни в ее "доработанном" варианте, обнаруженном в бывшем Особом архиве в Москве.

Отсутствие какого-либо установочного выступления Сталина в преддверии заключения советско-германского договора о ненападении подтверждается большим количеством как архивных, так и опубликованных документов, прежде всего связанных с деятельностью руководства Коминтерна, которое вплоть до 7 сентября 1939 г. не имело указаний относительно трактовки кардинальных изменений во внешней политике СССР. Подлинность распространенного агентством Гавас текста "речи Сталина", как и ее версий, не может быть подтверждена тем фактом, что упоминавшиеся там события произошли или неизбежно должны были произойти. Текст "речи" был опубликован спустя три с лишним месяца после якобы имевшего места выступления Сталина, когда о вероятных последствиях советско-германских договоренностей писала вся европейская пресса, особенно французская. Обсуждение сталинских планов по революционизированию Европы и извлечению "дивидендов" из начавшейся Второй мировой войны также не представляли собой ничего нового, будучи общим местом в немалом числе тогдашних публикаций. Исследователям неизвестны какие-либо документы или свидетельства, которые хотя бы в малейшей степени подтверждали подлинность приписываемой Сталину речи 19 августа 1939 г., содержащей, помимо всего прочего, большое число неверных и откровенно несуразных положений.

Почему же во второй половине 1990-х гг. некоторые западные и российские историки так рьяно ухватились за обнаруженную в московском архиве "речь Сталина", даже не утруждая себя ее серьезным анализом?

Что, собственно, пытаются они доказать, приписывая этому тексту значение *"одного из основополагающих документов по истории Второй мировой войны"*?

Может быть, как это прозвучало в некоторых работах, все дело в необходимости пересмотра общей концепции истории Второй мировой войны, положив в основу утверждения об экспансионизме советской внешней политики и ее ответственности за возникновение этой войны?

Попытки схожего характера предпринимались праворадикальной историографией на Западе неоднократно с единственной целью - снять ответственность за развязывание Второй мировой войны с нацистской Германии, возложив ее на Польшу, Великобританию, СССР и даже США. При этом ставились под сомнение одни документы, подлинность которых не вызывала сомнений у большинства исследователей, и абсолютизировались другие, несопоставимые с ними по своему

значению, да к тому же весьма произвольно цитировавшиеся. Все эти ревизионистские попытки оказались тщетными. Они ни разу не поставили под сомнение общую концепцию истории Второй мировой войны, не только нашедшую подтверждение в огромном количестве документов самого разного уровня, но, самое главное, отразившую цепь реально произошедших взаимосвязанных событий, составляющих общую картину Второй мировой войны.

Сопричастность советского руководства к возникновению Второй мировой войны, как, впрочем, и западных держав, о чем, кстати, в последнее время историография почти "запамятовала", откровенный экспансионизм внешней политики Кремля в 1939-1941 гг., который вовлек СССР во Вторую мировую войну задолго до 22 июня 1941 г. и поставил его на грань столкновения с западными державами, подтверждаются многочисленными фактами и документами [181]. Однако все это отнюдь не ставит под сомнение общую концепцию истории Второй мировой войны, как и ответственность ее главного виновника - Гитлера и нацистского режима.

Прорыв в сторону демократизации и открытости, произошедший в России в первой половине 1990-х гг., если и не нарушил, то в какой-то мере поколебал относительное спокойствие в мировой исторической науке. Большое количество сборников документов, изданных в России в последние годы, а также целый ряд заслуживающих внимания исследований, в том числе и по проблемам внешней политики СССР, не говоря уже о самой возможности работы с доступными архивными документами, - все это обусловило заметное повышение интереса к советской истории на Западе. Не осталась незамеченной и значительная поляризация позиций и оценок внутри российской историографии о характере внутренней политики тоталитарного режима, его внешней политике накануне и в начале Второй мировой войны, а также роли Сталина. Однако, если противостояние сторонников и противников оправдания действий тоталитарного и посттоталитарного режима в СССР и признания лишь отдельных его ошибок, просчетов во внутренней и внешней политике достаточно очевидны, то размежевание среди тех историков, кто считает необходимым не заниматься косметическим "ремонт" или "подновлением" старых исторических схем, а заново изучать историю советского государства на основе всех доступных науке фактов и документов, не всегда бросается в глаза.

Характерное для некоторой части историков стремление во что бы то ни стало и как можно скорее заявить о "завоевании" новых позиций, подменяя при этом кропотливую работу по выявлению, анализу документов и формулированию выводов, сделанных на их основании, публицистичностью и хлесткостью подачи материала, отнюдь не способствовало повышению уровня исторических исследований, ставя под сомнение профессионализм их авторов. Именно непрофессионализм и стал той питательной средой, которая объединила западных и российских адептов подлинности "речи Сталина", охочих до пересмотра генезиса и общей концепции Второй мировой войны, хотя и по разным причинам.

Архивные и опубликованные в России, других странах документы, работы зарубежных и российских историков, посвященные внешней политике и международным отношениям во второй половине 1930-х гг., не говоря уже о реально произошедших исторических событиях, создают широкие возможности для всестороннего научного исследования роли СССР и его руководства в возникновении Второй мировой войны. При этом нет необходимости использовать сомнительные источники, а тем более делать "сенсацию" на фальшивках, к коим, как показывает приведенный анализ, принадлежит и "речь Сталина", якобы произнесенная на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г.

Примечания

1. Churchill W. The Second World War. Vol. 1. London etc., 1948. P. 350.
2. Les Evenements survenus en France de 1933- a 1945: Temoignages et documents recueillis par la Commission d'Enquete Parlementaire. Vol. 1-10. Paris 1947-1954. Vol. 1. P. 49, 50.

3. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?: Нефантастическая повесть-документ. М., 1992. С. 51.
4. Hoffmann J. Stalins Vernichtungskrieg. Planung, Ausföhrung und Dokumentation. 8. Aufl. MUnchen 2001 S.25.
5. Raack R.C. Stalin's Role in the Coming of World War II. The International Debate Goes on // World Affairs, Washington, 1996, Vol. 159, Nr. 2. P. 51.
6. Дорошенко В.Л. Сталинская провокация Второй мировой войны // Другая война 1939-1945 / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 72.
7. Lowe H. -D. Stalin: der entfesselte Revolutionar. Gottingen; Zurich, 2002. S. 304-305.
8. Даже в ходе Нюрнбергского процесса защита обвиняемых не сочла возможным использовать "речь Сталина" 19 августа 1939 г.
9. См., напр.: Soviet Documents on Foreign Policy. Vol. III: 1933-1941 / Ed. by J. Degras. London etc., 1953.
10. Сталин И.В. Сочинения. Т. 1 [XIV]: 1934-1940 / Ed. by R. McNeal. Stanford, 1967.
11. Среди многотомных публикаций документов, касающихся событий кануна и начального периода Второй мировой войны, удалось обнаружить только одну, в которой был помещен в сокращенном виде текст этой "речи Сталина". См.: Weitgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Bd. III: Der Ausbruch des Krieges 1939 / Hrsg. von M. Freund. Freiburg; MUnchen, 1956. S. 159-160.
12. Jackel E. Uber eine angebliche Rede Stalins vom 19. August 1939 // Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte (далее -VfZ), 1958. Н. 4. S. 380-389.
13. Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques (The International Law Review), 1939, Nr. 3, Juillet-Septembre. P. 247-249.
14. Членами "русской секции" или представителями ВКП(б) в Коминтерне в августе 1939 г. были: А.А. Жданов, Д.З. Мануильский, И.В. Сталин, кандидатом - С.А. Лозовский. См.: Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919-1943. М., 1997. С. 209, 210.
15. При подготовке преамбулы текста "речи Сталина" подобное ограничение состава участников было, конечно, не случайным, преследуя целью избежать "накладки" с зарубежными коммунистическими лидерами, которые могли не быть в Москве или выступить с опровержениями в печати.
16. "Мир или война - так стоит сейчас вопрос!" - слова из завершающего абзаца передовой статьи "Мир или война?", опубликованной в "Известиях" 9 октября 1939 г. Авторство ее в то время приписывалось Сталину. Публикация наделала немало шума за рубежом и была высоко оценена нацистским руководством. См.: Die Tagebiicher von Joseph Goebbels / Hrsg. und bearb. von E. Frohlich, Teil I, Aufzeichnungen 1923-1941, Bd. 7, Juli 1939 - Marz 1940. MUnchen, 1998. S. 145-146. (Запись от 10.10.1939). В действительности, статья была подготовлена Ждановым и Молотовым и отредактирована с существенными дополнениями Сталиным (РГАСПИ, ф. 77, оп. 1, д. 886; ф. 82, оп. 2, д. 1485, л. 1-6; ф. 558, оп. 11, д. 1123, л. 32-37).
17. Для Сталина были совершенно не характерны столь обязывающие заявления. Напротив, он всегда стремился подчеркивать сложность международной обстановки, в которой приходится действовать СССР, и то обстоятельство, что в этой сфере не все зависит от усилий советской политики. См., напр.: Сталин И.В. Отчетный доклад на XVII съезде о работе ЦК ВКП(б) // XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 14.
18. В опубликованных выступлениях, беседах и статьях Сталина латинских выражений не встречается.
19. Сталин располагал иной информацией относительно планов Германии. Еще 17 мая 1939 г. начальник Разведупра РККА комдив И.И. Проскуров направил ему полученное по агентурным каналам спецсообщение о ближайших планах Гитлера в отношении Польши (см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216-219). Источником информации был советник "бюро Риббентропа" д-р П. Кляйст, чьи сведения, как правило, подтверждались. В документе, привлечшем внимание Сталина, о чем свидетельствовала его резолюция на полях, подчеркивалась решимость фюрера во что бы то ни стало «силой поставить Польшу на колени», после чего "последует "западный этап", который должен будет окончиться поражением Франции и Англии, будь то военным или политическим путем" (там же. С. 217). Схожие идеи Гитлер изложил в своем выступлении перед узким составом высшего военного руководства Германии 23 мая 1939 г. См.: Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947-1949 (далее - ИМТ), Doc. 79-L, Vol. XXXVII. P. 546-556. См.: также доклад начальника Генерального штаба сухопутных сил Германии генерала Ф. Гальдера, сделанный офицерам и генералам Генштаба во второй половине апреля 1939 г. в публ.: Hartmann Ch., Slutsch S. Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Friihjahr 1939. Eine Ansprache des Generalstabschefs des Heeres // VfZ, 1997, Н. 3. S. 467-495.
20. Сталин придерживался на этот счет совершенно иного мнения, полагая, что как раз соглашение с западными державами и вовлечет его в войну с Германией, и это понимали в Берлине. Заведующий восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела МИД К. Шнурре в беседе с временным поверенным в делах СССР в Германии Г.А. Астаховым 24 июля 1939 г., затронув вопрос об англосоветских политических переговорах, высказал мнение, что СССР с Англией не договорятся, так как ясно, что на долю СССР "должна выпасть в случае войны вся тяжесть обязательств, тогда как доля Англии будет минимальна" (Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. Т. 2. М., 1990, док. 494. С. 121). Объясняя причины провала англо-франко-советских переговоров, Сталин в беседе с

Димитровым 7 сентября 1939 г. фактически повторил то же самое: "...Англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить!" (Dimitroff G. Tagebucher 1933-1943. Bd. I / Hrsg. von В.Н. Bayerlein. Berlin, 2000. S. 274).

21. В число посвященных в детали переговоров с Германией входили даже не все члены Политбюро, а только его руководящая "пятерка": И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян (см.: Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизм политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 239). По воспоминаниям Н.С. Хрущева, договора с нацистской Германией, включая секретные соглашения, *"кроме Молотова, Сталина и некоторых причастных к нему чиновников Наркомата иностранных дел... у нас никто не видел"* (Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. М., 1999. С. 228).

22. Западные военные делегации "отправили домой", возложив всю ответственность за неудачу переговоров на направившие их в Москву правительства, что было запланировано в Кремле еще до того, как эти переговоры начались. См.: Документы внешней политики (далее-ДВП), 1939. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992, док. 453. С. 584.

23. Конкретные внешнеполитические вопросы, не говоря уже о территориальных, до переговоров Риббентропа в Москве не затрагивались, будучи лишь обозначены германской стороной в самой общей форме, как могущие быть разрешенными *"к полному удовлетворению обеих стран"* (см.: Год кризиса. Т. 2, док. 556. С. 232). По предложению советской стороны, они относились к специальному протоколу, содержание которого "должно быть предметом обсуждения" (там же, док. 570. С. 271).

24. 23 марта 1939 г. было подписано германо-румынское экономическое соглашение, создающее возможности для полной переориентации на Германию всей румынской экономики, в поставках нефтепродуктов и продовольствия которой Берлин был особенно заинтересован накануне войны (см.: Hilgruber A. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumanischen Beziehungen 1938-1944. Wiesbaden, 1954. S. 45, 47). Никаких сомнений в том, что "Германия является крупнейшим клиентом Румынии, приобретающим львиную долю ее экспорта" (см.: ДВП, Т. XXII. Кн. 1, док. 176. С. 227) и потому рассматривающим ее в качестве сферы своих интересов, в Кремле не могло быть.

25. Преимущественная ориентация на Германию экономики Болгарии, экспортировавшей большую часть своей сельскохозяйственной продукции в Третий рейх, создавала тесное переплетение интересов двух стран, что при выработке внешнеполитического курса должны были учитывать болгарские политики (см.: Hoppe H. -J. Bulgarien - Hitlers eigenwilliger Verbiindeter; eine Fallstudie zur nationalsozialistischen Süd-osteuropapolitik. Stuttgart, 1979. S. 62), и в известной степени признавать болгарские дипломаты (см.: ДВП, Т. XXII. Кн. 1, док. 420. С. 534).

26. 24 февраля 1939 г. Венгрия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, 11 апреля покинула Лигу наций, демонстрируя, по крайней мере внешне, общность с политикой держав "оси" (см.: Czettler A.P. Pal Graf Teleki und die Aussenpolitik Ungarns 1939-1941. München, 1996. S. 27). Гитлер рассчитывал на Венгрию в предстоящей войне как на союзника, хотя и не безоговорочно (см.: ИМТ, Док. 120-С, Vol. XXXIV. P. 389).

27. Подобная постановка вопроса могла быть в какой-то степени оправдана после начала Второй мировой войны, когда Италия заявила о своей политике "non belligeranza". В преддверии заключения итало-германского военно-политического союза - "Стального пакта" (22 мая 1939 г.) в газете "Известия" была опубликована передовая статья "К международному положению", где, в частности, констатировалось: *"Теперь Европа будет иметь дело с единой общей и военной политикой, германо-итальянской политикой..."* (Известия. 1939, 11 мая). Автором статьи был Сталин (см.: РГАСПИ, ф. 71, оп. 10, д. 130, л. 340-343).

28. Советское руководство располагало информацией *"о наличии твердого итало-германского разделения «сферы жизненных интересов», в соответствии с которым Южные Балканы, и, в частности, Югославия и Адриатика, не смогут, по утверждению министра иностранных дел Италии графа Г. Чиано, стать объектом германской экспансии"* (см.: ДВП, Т. XXII. Кн. 1, док. 348. С. 419). 12 августа 1939 г. Гитлер, согласно итальянской записи его беседы с Чиано, даже предложил Италии использовать предстоящее нападение Германии на Польшу *"для расчленения Югославии путем оккупации Хорватии и Далмации"* (цит. по: Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936-1941). М., 1969. С. 139).

29. Ни в то время, ни позже, когда в ноябре 1940 г. после переговоров Молотова в Берлине советское руководство выдвинуло целый ряд условий, выполнение которых должно было предшествовать присоединению СССР к Тройственному пакту (см.: ДВП, Т. XXIII. Кн. 2, док. 548. С. 136-137), ни даже подписав в начале апреля 1941 г. договор о дружбе и ненападении с Белградом (там же, док. 746. С. 518-521), Кремль не претендовал на включение Югославии в сферу своих интересов.

30. 28 сентября 1939 г. Сталин заверил Риббентропа, что *"если, вопреки ожиданиям, Германия попадет в тяжелое положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию задушили. Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит, чтобы Германия была повержена"* (Fleischhauer I. Der deutsch-sowjetische Grenz-und Freundschaftsvertrag vom 28. September 1939. Die deutschen Aufzeichnungen über die Verhandlungem zwischen Stalin, Molotow und Ribbentrop in Moskau // VfZ, 1991, N. 3. S. 458).

31. В Кремле придавали значение не помощи Германии, а расширению торговли с ней, которая бы обеспечила немецкие поставки промышленного оборудования и отдельных видов современной боевой техники. Как отмечалось в письме Молотова Риббентропу от 28.09.1939, *"обеими сторонами будет составлена экономическая программа... таким образом, чтобы германо-советский товарооборот по своим размерам снова достиг высшего объема, достигнутого в прошлом"* (ДВП, Т. XXII. Кн. 2, док. 645. С. 137).

32. Решение 31 августа 1939 г. о введении всеобщей воинской обязанности в СССР и увеличение Вооруженных сил СССР в 1939-1941 гг. более чем в 2 раза свидетельствовало о том, что Сталин не рассчитывал на мир для СССР в ближайшие 10 лет.
33. В лексиконе Сталина 1930-х гг., как и других высокопоставленных советских функционеров, слово "рейх" в качестве обозначения национал-социалистической Германии не встречается.
34. Речь, вероятно, должна идти о пропагандистской работе.
35. В структуре Коминтерна не было должности председателя. Мануильский был в 1928-1943 гг. секретарем Исполкома Коминтерна.
36. Полпред СССР во Франции Я.З. Суриц уже 28 ноября отправил подробную шифровку в Наркоминдел по поводу опубликованного "*под самыми шумными заголовками*" почти во всех газетах сообщения агентства Гавас (см.: ДВП, Т. XXII. Кн. 2, док. 813. С. 343).
37. Politisches Archiv Auswartiges Arntes Berlin (далее - PA AA). Botschaft Moskau. Krieg. Sonderakte. SD Pol. 2. geheim. S. 202689-202693.
38. Ebd. S. 202688.
39. Не рассматривая дело как слишком срочное, МИД направил этот материал с очередной дипломатической почтой, и он был получен посольством только 3 декабря. - Ebd.
40. 29 ноября и.о. ответственного руководителя ТАСС Я.С. Хавинсон направил Сталину и Молотову полный текст переданного по радио сообщения агентства Гавас "Измышления по поводу заседания Политбюро ЦК 19 августа" (ГА РФ, ф. 4459, оп. 38, д. 97, л. 24-27). Эта радиоверсия незначительно отличается по своей полноте от вышеприведенного текста, распространенного агентством Гавас и позднее вошедшего в официальную публикацию.
41. Правда. 1939, 30 ноября. С. 3.
42. Информационное агентство Гавас имело очень высокую репутацию в мире. И это прекрасно понимали в Москве. Руководство ТАСС указывало заведующему отделением ТАСС в Париже на необходимость поддерживать "*очень тесную связь с агентством Гавас*" (см.: ГА РФ, ф. 4459, оп. 38, д. 102, л. 64).
43. Среди бумаг Сталина наряду с вырезкой из "Правды" от 30 ноября 1939 г. был обнаружен только машинописный вариант этого же текста без какой-либо правки (см.: РГАСПИ, ф. 558, оп. 116 д. 1123, л. 38,39).
44. "*Можно уважать или ненавидеть гитлеризм, как и всякую другую систему политических взглядов. Это - дело вкуса. Но затевать войну из-за «уничтожения гитлеризма» - значит допустить в политике преступную глупость*" (Известия. 1939, 9 октября. С. 1). В беседе с Шуленбургом 13 ноября 1939 г. Молотов подчеркнул, что "в статье "Мир или война" Англия заклеивает как поджигатель войны. Никто другой ничего подобного не сделал" (ДВП, Т. XXII. Кн. 2, док. 773. С. 287).
45. *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 83.
46. Stalin fertigt Havas Lügen ab. "England und Frankreich Überfielen Deutschland". Pariser Falschungen von Moskau zurückgewiesen // Volkischer Beobachter, Norddeutsche Ausgabe, 1939, 1.12. S. 1. При подготовке НМЛ при ЦК КПСС 14-го тома собрания сочинений (так и не вышедшего в свет в СССР) было принято решение не включать в него текст ответа Сталина по поводу сообщения агентства Гавас (см.: РГАСПИ, ф. 71, оп. 10, д. 130, л. 346).
47. Впрочем, не только Германия, но и другие ведущие державы не проявили сколько-нибудь заметного интереса к сообщению агентства Гавас. Мне не удалось, например, обнаружить упоминания об этой "сенсации" в одном из самых крупных собраний дипломатических документов (см.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1939: Vols. 1-5. Washington, D.C., 1956).
48. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil I, Bd. 7. S. 214-216.
49. *Ruffin H.* Deux documents // Journal de Geneve, 1941, 12 juillet.
50. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil I, Bd. 9. S. 428.
51. Volkischer Beobachter, Munchner Ausgabe. 1941, 13.07. S. 1.
52. Volkischer Beobachter, Norddeutsche Ausgabe. 14.07. S. 6.
53. *La Pradelle A. de.* Le Marxisme Tentaculaire. La Formation, la Tactique et l'Action de la Diplomatic Sovietique 1920-1940. Issoudun, 1942. P. 124-128.
54. Немецкие оккупационные власти отдавали должное усилиям правительства Виши по борьбе прежде всего с коммунистическим Сопротивлением, считая что "*в особенности министр внутренних дел Люше, кажется, полон решимости устранить опасность коммунизма в будущем, которая после завершения немецкой оккупации была бы немалой...*" (цит. по: *Regina M. Delacor*, Attentat und Repressionen: ausgewählte Dokumente zur zyklischen Eskalation des NS-Terrors im besetzten Frankreich 1941/42. Stuttgart 2000, Dok. 77. S. 212).
55. *La Pradelle A. de.* Op. cit. P. 124.
56. *Ruffin H.* Le Plan de Staline (Novembre 1939) // La Revue universelle, August 1944. P. 105-110.
57. Ebd. P. 106.

58. *Jackel E.* Op. cit. S. 386, Anm. 22.
59. *Ruffin H.* *Reverrons-nous la guerre? Une enquete internationale.* Genf, 1925.
60. См.: *Jackel E.* Op. cit. S. 387, Anm. 24.
61. Ebd. S. 387.
62. Ebd. S. 389.
63. В СССР этот текст, конечно, не мог стать предметом изучения. Лишь однажды в официальном советском издании была упомянута эта "речь Сталина", причем из контекста было вырвано и произвольно процитировано несколько слов для разоблачения "буржуазных фальсификаторов истории", к коим был причислен не кто иной, как Йеккель, опубликовавший грубую фальшивку - "*текст якобы найденной им «записи» речи И. Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г., в которой содержится призыв к организации войны «между Германией и англо-французским блоком»*" (см.: *История второй мировой войны 1939-1945.* В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 285).
64. См., напр.: *Hartle H.* *Die Kriegsschuld der Sieger: Churchills, Roosevelt und Stalins Verbrechen gegen die Menschlichkeit.* Gottingen, 1966. S. 321; *Fabry Ph.* *Die Sowjetunion und das Dritte Reich.* Stuttgart, 1971. S. 406; *Heirndach E.* *Oberfall? Der sowjetisch-deutsche Aufmarsch 1941.* Berg am See, 1981. S. 31-32.
65. См.: *Суходеев В.В., Соловьев Б.Г.* Полководец Сталин. М., 1999; *Иванов Р.Ф.* Сталин и союзники: 1941-1945 гг. Смоленск, 2000; *Емельянов Ю.В.* Сталин: Путь к власти. М., 2002; его же. Сталин: На вершине власти. М., 2002; *Карнов В.В.* Генералиссимус: Историко-документальное издание. В 2 кн. Калининград, 2002, и др.
66. *Suvorov V.* Who was Planning to Attack Whom in June 1941, Hitler or Stalin? // *The Journal of the Royal United Services Institute for Defence Studies*, 1985, Vol. CXXX, Mr. 2. P. 50-55.
67. *Gillessen G.* Der Krieg der Diktatoren // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 1986, 20.08. S. 25.
68. См. *Stegemann B.* Geschichte und Politik. Zur Diskussion Über den deutschen Angriff auf die Sowjetunion // *Beitrage zur Konfliktforschung*, 1987. H. I.S.73-97; *Pietrow B.* Deutschland im Juni 1941-ein Opfersowjetischer Aggression? Zur Kontroverse über die Praventivkriegsthese // *Geschichte und Gesellschaft*, 1988, H.I. S.I 16-135; *Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941: Die Kontroverse um die Praventivkriegsthese / G.R. Ueberschar, L.A. Bezymenskij* (Hrsg.). Darmstadt, 1998; *В о В S.* *Stalins Kriegsvorbereitungen 1941: erforscht, gedeutet und instrumentalisiert; eine Analyse postsowjetischer Geschichtsschreibung.* Hamburg, 1998; *Praventivkrieg?: Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion / B. Pietrow-Ennker* (Hrsg.). Frankfurt a. Main, 2000.
69. См.: Накануне нападения Германии: Внешняя и внутренняя политика СССР в первой половине 1941 года. Материалы "круглого стола" // *Славяноведение.* 2002. № 6. С. 3-39.
70. *Suworow V.* *Der Eisbrecher: Hitler in Stalins Kalkul.* Stuttgart, 1989.
71. Анализируются книги В. Суворова в большом количестве публикаций самого различного уровня и направленности. См.: *Gorodetsky G.* Stalin und Hitlers Angriff auf die Sowjetunion. Eine Auseinandersetzung mit der Legende vom deutschen Praventivschlag // *VfZ*, 1989, H. 4. S. 645-672; *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия.* Сб. материалов / Сост. *В.А. Невежин.* М., 1995; *Городецкий Г.* Миф "Ледокола": Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995; *Мельтохов М.И.* Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова "Ледокол" // *Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева.* М., 1996. С. 488-521; *Помогайбо А.А.* Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2002, и др.
72. *Суворов В.* Ледокол. С. 51.
73. *Суворов В.* День - М. Когда началась Вторая мировая война? М., 1994. С. 249.
74. Там же. С. 53.
75. Там же. С. 62.
76. Там же. С. 63.
77. *Волкоганов Дм.* Эту версию уже опровергла история // *Известия.* 1993, 16 января. С. 9.
78. Кодовое название сигнала по введению в действие плана прикрытия государственной границы СССР, содержавшегося в "Красном пакете" (см.: *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 228). Рядом авторов трактуется также как план операции нападения на Германию с последующим завоеванием чуть ли не всей континентальной Европы (см.: *Суворов В.* Ледокол. С. 333; *Бунич И.Л.* Операция "Гроза" или ошибка в третьем знаке. Кн. 1. СПб., 1994. С. 95-97).
79. Еще в декабре 1923 г. вновь было подтверждено, что "*в протоколы Политбюро ничего, кроме решений Политбюро, записываться не должно*". Стенографирование обсуждения отдельных вопросов на заседаниях Политбюро осуществлялось только по специальному решению, о чем в протоколе делалась особая отметка. Подобный порядок оформления протоколов заседаний сохранялся до конца 1940-х гг. (см.: *Протоколы ЦК РКП(б)-ВКП(б)* как исторический источник // *Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952.* Каталог / Т. 1. 1919-1929. М., 2000. С. 22, 24).
80. См.: Там же. Т. II. 1930-1939. М., 2001. С. 1014-1103; Т. III. 1940-1952. М., 2001. С. 7-10.

81. В начале 1941 г. Сталин так охарактеризовал сложившуюся практику: *"Вот мы в ЦК уже 4-5 месяцев не собирали Политбюро. Все вопросы подготавливают Жданов, Маленков и др. в порядке отдельных совещаний со знающими товарищами..."* (см.: "Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти". Дневник В.А. Малышева // Источник. 1997. № 5. С. 114).
82. См.: Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)... Т. II. С. 1073.
83. См.: ДВП, Т. XXII. Кн. 1, док. 474. С. 617.
84. В этот день в кремлевском кабинете Сталина были Молотов (дважды), нарком внешней торговли А.И. Микоян, секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкин, будущий полпред СССР в Германии А.А. Шкварцев (см.: Исторический архив. 1995. № 5-6. С. 48).
85. Выбор этой даты, по всей видимости, объясняется тем, что в ночь с 19 на 20 августа 1939 г. в Берлине было подписано советско-германское кредитное соглашение, воспринятое во всем мире как серьезный поворот в отношениях между двумя государствами, которому по логике автора "речи Сталина" должна была предшествовать определенная процедура в Кремле по легитимации нового политического курса.
86. Бушуева Т. "...проклинаю - попробуйте понять..." // Новый мир. 1994. № 12. С. 230-237.
87. С 1992 г. Центр хранения историко-документальных коллекций, ныне - Российский государственный военный архив (РГВА).
88. Бушуева Т. Указ. соч. С. 232.
89. РГВА, ф. 7/К, оп. 1, д. 1223, л. 87-89.
90. Во французском оригинале отточие отсутствует, так как, хотя текст "речи Сталина" на этих словах и заканчивается, не заканчивается документ.
91. За 2 года до публикации Бушуевой появилась статья Ф.И. Фирсова, из которой однозначно следовало, что руководство Коминтерна узнало о новых сталинских установках в отношении начавшейся Второй мировой войны только после встречи Димитрова со Сталиным 7 сентября 1939 г. (см.: *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939-1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18-19).
92. В распоряжении автора находится официальный ответ из Архива Президента Российской Федерации от 8.04.1997 г., в котором указывается, что текста речи Сталина 19 августа 1939 г. в АП РФ не обнаружено.
93. Бушуева Т. Указ. соч. С. 233.
94. Там же. С. 232.
95. Под документом имеется в виду не только приписываемая Сталину речь, но и весь сопутствующий ей текст.
96. Menees antinationales (Антинациональные происки) - название одного из подразделений секретной службы правительства А. Петена в Виши.
97. РГВА, ф. 7/К, оп. 1, д. 1223, л. 86.
98. Там же, л. 87.
99. Не исключено, что именно это обстоятельство явилось причиной нежелания Рюффена продолжать переписку с Йеккелем.
100. После поражения Франции агентство Гавас было закрыто немецкими оккупационными властями.
101. РГВА, ф. 7/К, оп. 1, д. 1223, л. 89.
102. В распространенном агентством Гавас тексте говорилось о разработке *"инструкции для коммунистической партии за рубежом"*.
103. *Дорошенко В.Л.* Сталинская провокация Второй мировой войны // 1939-1945. 1 сентября -9 мая. Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Материалы научного семинара / Ред. *Павлова И.В., Трус Л.С.* Новосибирск, 1995. С. 6-17.
104. Там же. С. 9.
105. Цит. по: *Смирнов В.П.* "Странная война" и поражение Франции (сентябрь 1939 г. - июнь 1940 г.). М. 1963. С. 175.
106. *Дорошенко В.Л.* Указ. соч. С. 13.
107. Там же. С. 16.
108. Эту "смычку" у Дорошенко немецкий историк Ш. Фосс объясняет наличием *"обилия невежества и наивности"* (см.: VoB S. Op. cit. S. 108).
109. Дорошенко не использует ни текст "речи Сталина", распространенный агентством Гавас, ни статью Йеккеля и опубликованный в ней текст и поэтому не знает, что речь идет об одном и том же тексте. С этим же незнанием связана и критика Дорошенко немецкого историка И. Фляйшхауэр (там же. С. 7-8), которая сама в этой связи ничего не исследовала, а лишь сослалась на статью Йеккеля.
110. Война 1939-1945: два подхода. Ч. 1. Сб. статей / Под ред. *Ю.Н. Афанасьева.* М., 1995. С. 72-81.

111. *Афанасьев Ю.Н.* Другая война: история и память // Там же. С. 10, 111.
112. Не удивительно, что спустя всего год статья Дорошенко была вновь с незначительными сокращениями перепечатана еще в одном сборнике, изданном РГГУ (см.: Другая война: 1939-1945. С. 60-72).
113. *Strohm C.G.* Stalins Strategie für Krieg und Frieden. Geheime Dokumente beweisen: Sowjetischer Diktator hat Hitlers Angriff auf Polen emkalkuliert // Die Welt, 1996, 16.07. S. 6.
114. *Gorodetsky G.* Stalins Geheirnrede stammt aus Paris. Französischer Geheirndienst falschte Ansprache, um Eingreifen gegen die Sowjetunion zu bewirken // Die Welt, 1996, 31.08. S. 8.
115. *Strauss W.* Unternehmen Barbarossa und der russische Historikerstreit. München, 1998. S. 110; *Magenheimer H.* Neue Erkenntnisse zur Entfesselung des Zweiten Weltkrieges und zum deutsch-sowjetischen Krieg 1941 // Geschichte und Gegenwart. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Gesellschaftsanalyse und politische Bildung, 2000, H. 2. S. 68-69, Anm. 7; *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 372.
116. *Thadden A. v.* Vier Reden Stalins. Ein durchgehender roter Faden. Rosenheim, 1996. S. 3. [
117. Ebd.S. 17,18.
118. *Thadden A. v.* Stalins Falle. ErwolltedenKrieg. Rosenheim, 1996. S. 11-12.
119. *Strauss W.* Op. cit. S. 92.
120. Ebd. S. 94. 121. Для этого были немалые основания, поскольку Дорошенко утверждает: "Вторая мировая война нужна была Сталину так же, как и Гитлеру, и Сталин не только помог Гитлеру развязать ее, но инициативно в собственных интересах развязывал и развязал ее сам..." Правда, далее Дорошенко, по-видимому, иногда вспоминающий о реальном ходе событий, вносит небольшое уточнение, о котором Штраус не упоминает: "Но главной выгодой Сталина была сама война в Европе, начатая Гитлером..." (выделено мною. - С.С.). См.: *Дорошенко В.Л.* Указ. соч. С. 10.
121. *Strauss W.* Op. cit. S. 95.
122. Ebd.S. 11.
123. Ebd. S. 96-97.
124. Edb. S. 98. См.: *Павлова И.В.* Поиски выхода из лабиринта лжи // 1939-1945. Материалы научного семинара. С. 33,38.
125. *Hoffmann J.* Stalins Vernichtungskrieg 1941-1945: Planung, Ausführung und Dokumentation. 8., überarb. u. erg. Aufl. München, 2001. S. 26-27.
126. Ebd. S. 17. См. также: *Topitsch E.* Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. München, 1985 (5. Aufl. Herford, 1998); ders. "Barbarossa" - ein Präventivkrieg? Zur ideologischen Korruption der Historie // Geschichte und Gesellschaft, 1989, H. 1. S. 3-15.
127. Об этом "прорыве" в историографии см.: подробно: *Ueberschar G.R.* Hitlers Überfall auf die Sowjetunion und Stalins Absichten. Die Bewertung in der deutschen Geschichtsschreibung und die neuere "Präventivkriegsthese" // Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. S. 48-69.
128. *Topitsch E.* Verfehltete Grundthese // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte, 2002, Bd. XXX. S. 446.
129. *Magenheimer H.* Die Militärstrategie Deutschlands 1940-1945: Führungsentschlüsse, Hintergründe, Alternativen. 2. erw. u. überarb. Aufl. München, 1997. S. 45-46.
130. Ders. Neue Erkenntnisse zur Entfesselung des Zweiten Weltkrieges. S. 68; ders. Entscheidungskampf 1941 - Sowjetische Kriegsvorbereitungen-Aufmarsch-Zusammenstoß. Bielefeld, 2000. S. 18-19.
131. *Pons S.* Stalin and the Inevitable War, 1936-1941. London; Portland (Or.), 2002. P. 190, 191.
132. *Bonwetsch B.* Was wollte Stalin am 22. Juni 1941? Bemerkungen zum "Kurzen Lehrgang" von Viktor Suworow // Blätter für deutsche und internationale Politik, 1989, H. 6. S. 691.
133. Ders. Stalins Äußerungen zu Politik gegenüber Deutschland 1939-1941 // Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. S. 149. См. также: *Бонвеч Б.* Наступательная стратегия - наступление - нападение. Историк из Германии о дискуссии вокруг событий 1941 года // Отечественная история. 1998. № 3. С. 22-23.
134. *Арутюнов А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. II. М., 2002. С. 277-295. В книге содержится пространный и невежественный "анализ" текста "речи Сталина" и его происхождения.
135. См.: *Сироткин В.Г.* Геополитика и пакт Риббентропа-Молотова - 1939 год // Советская дипломатия в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей / Под ред. *Ю.Е. Фокина и др.* М., 2001. С. 28.
136. *Наджафов Д.Г.* Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова-Риббентропа // Война и политика, 1939-1941 / Отв. ред. *А.О. Чубарьян.* М., 1999. С. 96.
137. *Афанасьев Ю.Н.* Другая война: история и память. С. 11; *Евзеров Р.* Вторая мировая война в ретроспективе XX века // Свободная мысль. 1995. № 9. С. 57; *Сахаров А.Н.* Война и советская дипломатия: 1939-1945 гг. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 29; *Наджафов Д.Г.* К вопросу о генезисе "холодной войны" // "Холодная война" 1945-1963 гг.

Историческая ретроспектива: Сб. статей / Отв. ред. *Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян*. М., 2003. С. 71. Наиболее подробно цитирует и пересказывает "речь Сталина" Р.Ш. Ганелин, сопровождая ее сугубо "научным" комментарием типа: одни рассуждения Сталина носили "*фантастический характер*", другие были "*вполне искренними*", что касается третьих, то здесь Сталин "*попал пальцем в небо, став жертвой своей примитивной логики*" (см.: *Ганелин Р.Ш.* Сталин и Гитлер (встречались ли они, какую роль играл в создании их союза еврейский вопрос?) // Барьер. Антифашистский журнал. 2001. № 1. С. 67-69).

138. "*Вслед за Т. Бушуевой будем условно считать эту запись подлинной*", пишут А.Н. и Л.А. Мерцаловы (*Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. М., 1998. С. 211), хотя Бушуева при публикации текста "речи Сталина" никаких сомнений относительно его достоверности не высказывала. Р.Ф. Иванов, пожалуй, единственный российский историк, кто в своей оценке "речи Сталина", опирающейся на почти дословное сообщение агентства Гавас, утверждает, что оно является примером того, "*как в англо-французском блоке объясняли решение Сталина о необходимости заключить пакт с Германией*", хотя "*за достоверность этой информации, особенно за подробное изложение доклада Сталина на Политбюро, трудно поручиться*" (*Иванов Р.Ф.* Указ. соч. С. 81).

139. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 79. Во 2-м исправленном и дополненном издании этой книги (М., 2002) концовка последней фразы звучит осторожней: "*Позволяет использовать эту публикацию в качестве апокрифа*" (с. 63).

140. См.: *Наджафов Д.Г.* Начало Второй мировой войны. С. 97; *Павлова И.В.* Механизм власти... С. 405-406.

141. *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939-1941 гг. С. 18-19; 1941 год. Кн. 2 / Сост. *Л.Е. Решин и др.* М., 1998. С. 584-585.

142. *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии "священных боев", 1939-1941 гг. М., 1997. С. 156.

143. Среди высказанных упреков был, в частности, и такой: Невежин "*посчитал необязательным упомянуть... что анализ этой речи уже сделан В.Л. Дорошенко и опубликован..., а затем переопубликован...*" (*Павлова И.В.* Механизм власти... С. 374-375).

144. Одним из примеров "весомости" доказательств Павловой являются ее рассуждения о Финляндии. "*Финляндия, - пишет она, - в речи 19 августа 1939 г. не упоминается, представляя собой лакуну, единственное «белое пятно» в восточно-европейских геополитических претензиях Сталина. ... Финляндия именно потому и не упомянута, что он уже готовил против нее войну, а также потому, что наличие Финляндии в составе «социалистического лагеря» серьезного геополитического значения не имело*" (*Павлова И.В.* Механизм власти... С. 404). Здесь все поставлено буквально с ног на голову. Во-первых, Прибалтийские страны, упомянутые в тексте "речи Сталина", - это, между прочим, и Финляндия, и чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть хотя бы в Секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. (ДВП, Т. XXII. Кн. 1, док. 485. С. 632). Во-вторых, Финляндия приобретала с началом Второй мировой войны очень важное место в планах Сталина именно с геополитической точки зрения, что подтверждают как его оценки, высказанные на совещании в ЦК ВКП(б) начальствующего состава РККА 17 апреля 1940 г. (см.: *Зимняя война 1939-1940.* Кн. 2. М., 1998. С. 272), так и то большое место, которое заняла финская проблема в ходе берлинских бесед Молотова с Гитлером в ноябре 1940 г. (ДВП, Т. XXIII. Кн. 2, док. 498, 511), не говоря уже о самой советско-финской войне.

145. *Павлова И.В.* Механизм власти... С. 405.

146. См. подробно: *Случ С.З.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 гг. / Отв. ред. *В.К. Волков, Л.Я. Гибианский*. М., 1999. С. 128-138.

147. См.: Вторая мировая война. 1940 год: дискуссионные и неразработанные проблемы (Материалы Круглого стола) // Славяноведение. 2001. № 6. С. 22.

148. См. Стенограмму выступления Л.М. Кагановича на заседании коллегии НКПС 27 ноября 1939 г. (РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, д. 333, 136).

149. См.: *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 272.

150. Подсчитано по: Исторический архив. 1995. № 5-6. С. 45-49.

151. См., например, карандашные заметки Жданова, относящиеся к периоду, предшествовавшему заключению договора с Германией (месяц не известен). (РГАСПИ, ф. 77, оп. 1, д. 896, л. 1-5). Они частично опубликованы в книге: *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 276-277.

152. Даже когда речь зашла о роспуске Коминтерна в мае 1943 г., только Димитров и Мануильский были вызваны в Кремль, где Молотов сообщил им мнение Сталина на этот счет (см.: *Dimitroff G.* Tagebucher. Bd. 1. S. 688).

153. См., например, выступление Сталина на заседании Политбюро 10 октября 1938 г. по вопросам партийной пропаганды в связи с выходом "Краткого курса истории ВКП(б)" // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 16-22.

154. РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 1291, л. 138.

155. Коминтерн и Вторая мировая война 1939-1941 гг. ч.1 / Сост. *Н.С. Лебедева, М.М. Наринский*. М., 1994, док. 3. С. 69-70.

156. Dimitrov and Stalin 1934-1943. Letters from the Soviet Archives / Ed. by A. Dallin, F. Firsov. New Haven; London, 2000. P. 150; *Фирсов Ф.И.* Политика Коминтерна в годы Второй мировой войны // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 - август 1940) / Отв. ред. *Л.Я. Губианский*. М., 1990. С. 198.
157. В это время так же действовали все компартии. Например, на заседании коммунистической фракции Национального собрания Франции в день нападения Германии на Польшу было выражено *"стремление всех коммунистов сражаться против фашизма и нацизма"* (цит. по: *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Коминтерн и Вторая мировая война (до 22 июня 1941 года) // История Коммунистического Интернационала 1919-1943: Документальные очерки / Отв. ред. *А.О. Чубарьян*. М., 2002. С. 149).
158. Коминтерн и Вторая мировая война 1939-1941 гг. Ч. 1, док. 7. С. 87.
159. Согласно различным преамбулам к тексту "речи Сталина", Мануильский должен был присутствовать на "заседании Политбюро" 19 августа 1939 г. либо в качестве члена "русской секции" Коминтерна, либо как один из его руководящих деятелей.
160. *Dimitroff G.* Tagebucher, Bd. I. S. 273.
161. РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, л. 57; см. также: *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна... С. 17.
162. 31 августа Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР: *"...Вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась, и мы перестали быть врагами. ...Советско-германский договор о ненападении означает поворот в развитии Европы... Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и служит, таким образом, делу всеобщего мира..."* (Известия. 1939, 1 сентября).
163. Коминтерн и Вторая мировая война 1939-1941. Ч. 1, док. 8. С. 88.
164. *Павлова И.В.* Механизм власти... С. 407.
165. Например, реакция в Париже на доклад Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. резюмировалась ведущими газетами так: *"Правительство СССР хотело бы, чтобы нынешняя европейская война продолжалась бы возможно дольше и повела бы к истощению борющихся сил. Это имело бы следствием совершенно исключительный рост влияния СССР на международные дела..."* (ГА РФ, ф. 4459, оп. 38, д. 102, л. 16-16 об.).
166. Когда немцы собираются наступать на Западе? Именно этот вопрос чаще других задавал немецким дипломатам советский полпред в Берлине осенью-зимой 1939/40 г. (см.: *Дневник А.А. Шкварцева*. - АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 69, лл. 9, 56, 128; ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 350; РА АА, R 29713, S. 111987).
167. *Dimitroff G.* Tagebucher, Bd. 1. S. 279-280.
168. На праздничном обеде в Кремле Сталин уточнил эту мысль, заявив, что *"лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую (в период Первой мировой войны) относился только к России... для европейских государств этот лозунг был неподходящий..."* (Ebd. S. 281).
169. *Баткин Л.* Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 36.
170. Утверждение Л.А. Безыменского, что текст "речи Сталина" находился среди документов 2-го бюро французского Генштаба, захваченных немцами в 1940 г., неточно (см.: *Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3-4). Скорее всего он был захвачен немцами вместе с другими документами вишистской администрации в период отступления летом 1944 г. Причастность немцев к публикациям дополненных версий "речи Сталина" не обнаружена.
171. В полном созвучии с нацистской пропагандой, что с удовлетворением отметил в своем дневнике Геббельс (*Die Tagebucher von Joseph Goebbels, Teil I, Bd. 7. S. 178*), Молотов говорил: *"Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война «за уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию"* (Известия. 1939, 1 ноября. С. 1).
172. АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 208, л. 108-109.
173. См.: *Смирнов В.П.* Французская коммунистическая партия и Коминтерн в 1939-1940 гг. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 35-37.
174. Речь идет о вышедшей во Франции статье: *Димитров Г.* Война и рабочий класс капиталистических стран // Коммунистический Интернационал. 1939. № 8-9. С. 22-36.
175. Среди лозунгов, распространенных Исполкомом Коминтерна, были и такие: *"Боритесь за немедленное прекращение грабительской, несправедливой, империалистической войны!"* (там же. С. 8).
176. Дневник первого секретаря полпредства СССР во Франции О.Я. Бирюкова. - АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 208, л. 114. (Запись от 9.11.1939).
177. Хотя свою лепту в антикоммунистическую кампанию во Франции сообщение агентства Гавас, по-видимому, внесло, но реакция на него была явно не та, на которую рассчитывали заказчики "речи Сталина". Отнюдь не для всех журналистов она стала достоверным источником. Например, спустя всего несколько дней после ее распространения Б.

Лавернь писал: *"Вопрос заключается в том: имеется ли соглашение между Берлином и Москвой? Договорились ли они о разделе сфер влияния между собой в Скандинавских странах, в Дунайском бассейне и на Балканах? На это ответит только будущее"* (L'Еpoque, 1939, 2.12. Цит. по: АВП РФ, ф. 136, оп. 23, п. 31, д. 435, л. 132).

178. См.: *Gorodetsky G. Stalins Geheimrede stammt aus Paris; Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 - 1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария: Ч. 1: Декабрь 1928 - июнь 1934. СПб. 2000. С. 66, сп. 142.

179. К числу "первоисточников" текста "речи Сталина" можно отнести, например, статью в "Эпок" от 2.11.1939, в которой, в частности, говорилось: *"Советско-германский договор от 23 августа имеет целью завлечь Гитлера в ловушку... Хозяин Кремля... также желает, чтобы война была длительной, ибо, чем дольше война будет продолжаться, тем больше противники ослабеют. Когда наступит окончание войны, победившие демократические державы окажутся не менее истощенными, чем Германия, тогда для Сталина настанет момент действий"*. (См.: Обзоры французской прессы бюро печати полпредства СССР в Париже. - АВП РФ, ф. 136, оп. 23, п. 31, д. 435, л. 115-116).

180. Не случайно в преамбуле доработанного варианта текста "речи Сталина" уже не говорилось, что в заседании Политбюро принимали участие только представители Коминтерна, входившие в его "русскую секцию". Вместо этого участниками заседания стали "видные деятели Коминтерна".

181. См.: *Случ С.З.* Советско-германские отношения в сентябре-декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5, №6.